

Санкт-Петербургский государственный университет

ФАТТАХОВА Камила Азатовна

Выпускная квалификационная работа

**Перевод терминов английского договорного права
на русский язык**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5645. «Юридический перевод»
Профиль «Юридический перевод»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра английской
филологии и перевода,
Абдульманова Аделя Хамитовна

Рецензент:
доцент, Северо-
Западный институт
управления – филиал
ФГБОУВО «Российская
академия народного
хозяйства и
государственной
службы при Президенте
Российской
Федерации»,
Горн Евгения Александровна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение	4
Глава I Теоретические аспекты исследования перевода терминов английского договорного права на русский язык	7
1.1 Терминология и термин. Понятие и классификация	7
1.1.1 Понятия термина и терминологии	7
1.1.2 Основные подходы к классификации термина	11
1.2 Терминологическая понятийная эквивалентность	13
1.2.1 Понятие эквивалентности	13
1.2.2 Лексическая и терминологическая эквивалентность	16
1.3 Характеристики юридической терминологии	19
1.3.1 Понятие юридической терминологии	19
1.3.2 Русскоязычная юридическая терминология	21
1.3.3 Англоязычная юридическая терминология	23
1.4 Договорное право как часть гражданского права	25
1.4.1 Место договорного права в правовой системе России	26
1.4.2 Характеристики американского, британского и австралийского договорного права	28
1.5 Способы перевода безэквивалентных юридических терминов	32
Выводы по главе I	35
Глава II Терминологические соответствия в области договорного права России, США, Великобритании и Австралии	38
2.1 Характеристика материалов исследования	38
2.2 Принципы сопоставления и классификации терминов	39
2.3 Полные соответствия	40
2.4 Частичные соответствия	48
2.5 Отсутствие эквивалента	57
2.5.1 Безэквивалентные термины английского языка	58

2.5.2 Безэквивалентные термины русского языка	60
2.6 Различия между терминами договорного права Великобритании, США и Австралии	63
Выводы по главе II	67
Заключение	70
Библиографический список	72
Приложения	82

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию перевода терминов английского договорного права на русский язык, а также анализу терминологических соответствий английского и русского договорного права с учетом особенностей правовых систем Российской Федерации и ряда англоязычных стран.

Актуальность работы обусловлена развитием внешнеэкономических связей России и увеличением количества заключаемых договоров между представителями нашей страны с иностранными гражданами и компаниями как в профессиональной среде, так и на бытовом уровне. Рынок юридических и переводческих услуг вынужден адаптироваться к новым экономическим условиям. Все больше юридических фирм начинают заниматься сопровождением сделок различных российских компаний с зарубежными партнерами. Чаще всего юристы, которые непосредственно взаимодействуют с иностранными клиентами, сами занимаются переводом договоров с английского языка на русский и наоборот, обращаясь к переводчикам лишь в самых сложных случаях. Очевидно, что в подобных ситуациях от юриста или переводчика требуется идеальное знание английского языка и специальной терминологии, а также понимание законодательства страны контрагента. Активное изучение и использование терминологии английского договорного права как специалистами в области юриспруденции, так и профессиональными переводчиками-лингвистами подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней предпринимается попытка провести анализ терминологических соответствий договорного права России, США, Великобритании и Австралии, который позволил бы как создать более четкую картину существующей языковой практики, так и определить, обладают ли термины российского договорного права одинаковыми эквивалентами во всех трех исследуемых вариантах английского языка.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в рамках образовательного процесса при подготовке будущих переводчиков текстов юридической направленности.

Целью исследования является анализ терминологических соответствий российской и английской терминологии договорного права с учетом особенностей правовых систем России, США, Великобритании и Австралии, определение степени их соответствия и установление различий между терминами договорного права англоязычных стран, если таковые имеются.

Для достижения данной цели в рамках исследования планируется решить следующие **задачи**:

- 1) представить основные подходы к определению понятия «термин», «терминология», «терминологическая эквивалентность», представить основные подходы к классификации терминов;
- 2) рассмотреть особенности юридической терминологии в целом, дать характеристику русскоязычной и англоязычной юридической терминологии;
- 3) сравнить правовые системы России, США, Великобритании и Австралии в области договорного права;
- 4) проанализировать терминологические соответствия договорного права России и ряда англоязычных стран;
- 5) сравнить термины договорного права Великобритании, Австралии и США, выявить сходства и различия в их значении и практике использования;
- 6) рассмотреть способы перевода безэквивалентных терминов права и проследить, как они используются на практике.

Теоретической базой исследования послужили труды таких исследователей как: А.В. Суперанская, С.П. Хижняк, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, В.И. Литовченко, А.С. Пиголкин, М.Е. Видерман, А.В. Ачкасов, И.В. Зуева, Н.И. Матузов, А.В. Малько, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский,

Е.А. Суханов, В.С. Белых, И.И. Чиророва, а также У. Свэйи, Дж. Элдридж, А. Рэй, Ф. Миянда и др.

Объектом исследования является англоязычная и русскоязычная терминология договорного права.

Предметом исследования являются терминологические соответствия российского и английского договорного права.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы** исследования:

- сопоставительный и системный анализ;
- метод сплошной выборки;
- описательный метод.

Материалом исследования послужили 126 терминов договорного права на русском языке и 145 терминов договорного права на английском языке, извлеченных методом сплошной выборки из энциклопедических и толковых юридических словарей, глоссариев по терминологии договорного права, находящихся в открытом доступе, текстов российских и англоязычных нормативно-правовых актов, текстов судебных решений, научных статей юридической тематики, материалов веб-сайтов юридической направленности.

Цель и задачи исследования определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, теоретической и практической глав, выводов по каждой главе, заключения, библиографического списка из источников и приложений к исследованию, содержащих данные по соотношению полных терминологических соответствий, частичных терминологических соответствий и примеров отсутствия эквивалента.

Глава I Теоретические аспекты исследования перевода терминов английского договорного права на русский язык

1.1 Терминология и термин. Понятие и классификация

1.1.1 Понятия термина и терминологии

Необходимость в изучении терминологии и термина возникла в первой половине XX века. Научный прогресс и быстрое развитие технологий сопровождались увеличением числа так называемой специальной лексики («терминологический взрыв») [Рябова 2009: 86]. В результате возникновения новых отраслей знания и появления изменений в понятийном аппарате научной лексики стало очевидным, что необходимо установить определения понятий терминологии и термина для того, чтобы превратить «терминологический взрыв», носящий во многом стихийный характер, в управляемый процесс [Азимов, Дешериев, Никольский, Степанов, Швейцер 1975: 3-11]. Однако, поскольку терминология и термин являются объектом изучения множества научных дисциплин, общепринятых определений к этим понятиям не существует до сих пор, а относительно предлагаемых научным сообществом вариантов ведутся дискуссии и споры. Так, например, в 1970 г. Б.Н. Головин в своей научной работе привел 7 примеров определения термина и выступил с критикой каждого из них [Головин 1970]. Чуть позднее, в 1977 г. В.П. Даниленко в своей монографии говорит уже о 19-ти определениях термина, отмечая, что это не конечное их число [Даниленко 1977].

Отечественные лингвисты предпринимают множество попыток дать определение понятию «термин»:

1) термин – это слово (словосочетание), выступающее как единство звукового знака и связанного с ним понятия в системе понятий данной области науки и техники [Лотте 1969];

2) термин – это лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее, конкретное или абстрактное понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности [Лейчик 2006];

3) термин – это специальное слово, ограниченное своим особым назначением. Оно стремится быть однозначным как точное выражение понятий и название вещей [Реформаторский 1996];

4) термин – это слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции [Даниленко 1977];

5) термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научно- и профессионально-технических объектов и отношений между ними [Головин, Кобрин 1987];

6) термин – это специальное слово или словосочетание, принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной предметной области [Суперанская 2012].

Об определении понятия термина говорили и зарубежные лингвисты:

1) термин – это лингвистический символ, связанный с одним или же несколькими понятиями [Felber 1984];

2) термин – это название, которое определено внутри связной (номеклатурной) и структурированной (таксономической) системы и дефиниция которого соотносится с понятием [Rey 1995];

3) термин – это лексическая единица, состоящую из одного или нескольких слов, представляющая специальное понятие внутри какой-либо предметной области [de Bessé 1997].

Легко проследить основную идею об определении термина, наблюдаемую в приведенных выше позициях выдающихся лингвистов – термин представляет собой лексическую единицу (слово или словосочетание), связанную с каким-либо специальным понятием определенной области знаний.

Также, В.П. Даниленко и А. Рей обращали внимание на необходимость наличия дефиниции у термина. Дефиниция термина обладает особым практическим значением для настоящей работы, поскольку вторая глава исследования, посвященная сравнению терминов договорного права, будет основываться, в первую очередь, на сравнении их дефиниций. Функция дефиниции – отражать набор признаков, необходимых для отграничения данного значения от всех других единиц языка [Бендикс 1983].

Кроме того, исходя из рассмотренных нами определений термина можно сделать вывод о том, что термин, для того чтобы называться таковым, должен находиться в системных отношениях с другими наименованиями определенной области знаний (Лотте, Суперанская, Рей).

В настоящей работе под термином, вслед за А.В. Суперанской, мы будем понимать словесное обозначение специального понятия, которое входит в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Основными признаками термина мы считаем его единство с конкретным понятием определенной предметной области, его системность и дефинированность.

Для целей настоящего исследования нам также следует обратиться к определению понятия «терминология». При этом мы столкнемся с той же проблемой – общепринятого определения данного понятия не существует. Так, А.В. Суперанская отмечает, что в профессиональной среде под «терминологией» могут понимать совокупность или некоторое неопределенное множество терминов вообще; совокупность терминов определенной области знания; учение об образовании, составе и функционировании терминов вообще; учение об образовании, составе и функционировании терминов определенной области знания; общее терминологическое учение. Тем не менее, по ее мнению, полисемия указанного термина не препятствует взаимопониманию исследователей, поскольку его значение достаточно легко определить исходя из контекста и ситуации употребления [Суперанская 2012: 14]. Относительно последних трех

предложенных А.В. Суперанской определений терминологии (как научной дисциплины) – вместо «терминологии» в данном значении теперь принято использовать термин «терминоведение», впервые предложенный В.П. Петушковым [Лейчик 2009: 5]. Также, в рамках настоящего исследования очевидно, что терминология договорного права не может быть представлена неопределенным множеством терминов вообще, это скорее совокупность терминов определенной области знания.

Следует различать понятия «терминология» и «терминосистема». Как отмечает Г.О. Винокур, терминология – это стихийно складывающаяся совокупность терминов, которая отражает исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной предметной области. Терминология (в отличие от терминосистемы) не создается искусственно, в ней отражаются процессы развития области знания и могут содержаться как специальные термины, так и общеупотребительная лексика. Терминосистема конструируется специалистами определенной области, которые отбирают для нее существующие термины или создают новые. Для этого необходимо наличие специальной теории, которая лежала бы в основе как самой терминосистемы, так и соответствующей системы понятий [Винокур 1939].

Следовательно, совокупность терминов договорного права, которые будут анализироваться нами в рамках настоящего исследования, является именно терминологией, а не терминосистемой, поскольку данная совокупность сложилась стихийно, а не в рамках упорядочивающей деятельности человека.

Таким образом, в настоящем исследовании под терминологией понимается стихийно сложившаяся совокупность терминов договорного права (России и ряда англоязычных стран), отражающая исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной предметной области и содержащая как специальные термины, так и слова общеупотребительной лексики.

1.1.2 Основные подходы к классификации термина

По мнению В.И. Литовченко основаниями для классификации терминов служат их содержательные, формальные, функциональные, внутри- и внеязыковые признаки [Литовченко 2006: 157]. Среди рассматриваемых ею возможных классификаций терминов выделяются:

1) Классификация по содержанию (денотату) – термины наблюдения и теоретические термины: первые объединяют классы реальных объектов, вторые – абстрактные понятия, зависящие от определенной теории и концепции;

2) Классификация по объекту названия (номинации) – распределение терминов в зависимости от их принадлежности к конкретной области знания и деятельности. Перечень сфер для распределения можно обобщенно представить следующим образом: наука, техника, производство, экономический базис, инфраструктура и др. В рамках каждой сферы складывается своя терминология и возникают отдельные группы и классы терминов (сфера науки – группа научных терминов – классы терминов наук, существующих на определенном этапе научно-технического прогресса – группировки (терминосистемы) терминов различных теорий).

3) Классификация по категории обозначаемого понятия – термины объектов, процессов, признаков, величин и их единиц;

Существует также ряд других подходов к этому вопросу.

Так, лингвистический подход к классификации термина основан на различных признаках термина как лексической единицы определенного языка. С одной стороны, термины можно классифицировать по критерию семантической (содержательной) структуры. В зависимости от того, сколько значений несут в себе термины в рамках одной терминосистемы, они подразделяются на однозначные и многозначные. Также, здесь выделяются термины как свободные и устойчивые словосочетания [Лапаева 2007].

С другой стороны, возможна классификация термина по его формальной структуре. Б.Н. Головин подразделяет термины на термины-слова и термины-

словосочетания, отмечая при этом, что термины-слова делятся на еще несколько структурных типов (простые, аффиксальные, сложные) [Головин 1987].

По морфологической структуре терминов-слов может быть приведена другая классификация – термины как существительные, глаголы, прилагательные, наречия и др. [Литовченко 2006: 158].

По мотивированности (немотивированности) термины различаются на мотивированные, немотивированные и ложномотивированные [Лейчик 2009: 39]. Под мотивированностью термина следует понимать способность его формы составить представление о называемом понятии [Гринев-Гриневиц 2008: 165].

Согласно социологическому подходу к классификации термина термины можно разделить по авторству, а также на коллективные и индивидуальные термины [Литовченко 2006]. В соответствии с другой социологической классификацией терминов они делятся по критерию сферы их использования. Это универсальные термины – те, которые могут быть использованы для многих родственных областей, уникальные – для одной области, и авторские (концепциально-авторские) – представляют определенный научный подход [Слюсарева 1983].

Последний рассматриваемый нами подход к классификации терминов – исторический. Согласно ему термины можно разделить по эпохе их возникновения: термины-архаизмы и термины-неологизмы [Литовченко 2006: 158].

В зависимости от градации обозначаемых термином понятий (от общего (всеобщего) специального понятия или концепта до частного и единичного понятия) термины могут быть классифицированы как термины категорий, общенаучные и общетехнические термины, межотраслевые термины, специальные термины и узкоспециальные термины. А.С. Пиголкин, приводя в пример юридические термины, говорит о том, что они могут быть общеправовыми, межотраслевыми и отраслевыми (классификацию можно

продолжать) [Пиголкин 1990: 70]. Общеправовые термины актуальны для всех областей права, межотраслевые – используются в двух и более отраслях, отраслевые – в одной.

Для настоящего исследования мы предлагаем расширить классификацию юридических терминов А.С. Пиголкина в целях разграничения терминов договорного права по объему обозначаемого понятия (от общего понятия или концепта до частного). Согласно расширенной версии классификации термины договорного права могут быть общеправовыми (актуальными для права в целом), межотраслевыми (актуальными для нескольких отраслей права), специальными (использующимися исключительно в контексте договорного права), и узкоспециальными (применяющимися исключительно к конкретной договорной конструкции).

Данная классификация представляется наиболее подходящей и удобной для использования в практической части исследования, поскольку с ее помощью упростится поиск терминологических соответствий в договорном праве России и англоязычных стран, а также ускорится процесс определения степени эквивалентности между ними.

1.2 Терминологическая понятийная эквивалентность

1.2.1 Понятие эквивалентности

В настоящей работе мы намерены проанализировать и сравнить термины договорного права России и англоязычных стран, а также определить полностью эквивалентные, частично эквивалентные и безэквивалентные термины в этой правовой отрасли. В связи с этим, для лучшего понимания категории эквивалентности, для начала нам необходимо рассмотреть подходы к определению данного понятия.

Как утверждает Н.В. Шамова, понятие «эквивалентность» пришло в лингвистику из формальной логики. В 60-е годы 20-го века оно окончательно укоренилось в теории перевода как «переводческая эквивалентность». При этом, как отмечает автор, понятие переводческой эквивалентности отличается от термина эквивалентность, которым оперируют в рамках формальной

логики. Переводческая эквивалентность означает, что текст перевода и текст оригинала находятся в определенных отношениях эквивалентности друг к другу. В формальной логике эквивалентность подразумевает собой «равенство» или «тождество» [Шамова 2005: 172]. Очевидно, что в силу расхождения языковых систем, культурного кода и целей перевода между текстом оригинала и текстом перевода не может возникнуть отношения тождества. Поэтому, переводческая эквивалентность условна, и считается, что между переведенным текстом и оригиналом возникают отношения эквивалентности в отсутствие тождества [Комиссаров 1990]. Ф. Миянда отмечает, что многие лингвисты и переводчики ставят под вопрос существование эквивалентности вообще [Miyanda 2007]. Однако большинство все же разделяют позицию о том, что эквивалентность – это относительная величина, которую можно наблюдать на различных уровнях.

Таким образом, если в контексте переводческой деятельности тождество текста перевода тексту оригинала невозможно, определение понятия эквивалентности может быть сформулировано менее строгим образом. Существует ряд авторских позиций относительно определения понятия эквивалентности для теории перевода. Некоторые исследователи настаивают на включении в определение таких признаков как сохранение инвариантности на уровне содержания (Kade O.), равноценность воздействия на адресатов текстов оригинала и перевода (Найда Ю.А.), сохранение структурно-семантических свойств текста оригинала в тексте перевода и выполнение всех требований к инвариантности (Albrecht I.) и др. Представители функционалистского подхода считают, что эквивалентность – это лишь функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала (Райс К., Фермеер Г.) [Шамова 2005]. Т.А. Казакова отмечает, что разброс мнений в определении понятия «эквивалентность» подтверждает его скорее эмпирический, нежели теоретический статус [Казакова 2016]. В настоящей работе предпочтение отдается позиции исследователей теории перевода,

ориентированной на лингвистику – Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова В.Н., Л.К. Латышева и др.

В.Н. Комиссаров предлагает подойти к определению понятия переводческой эквивалентности следующим образом: он разграничивает такие понятия как потенциально достижимая эквивалентность (максимальная общность содержания между текстами оригинала и перевода, допускаемая различиями языков, на которых они созданы) и переводческая эквивалентность (реальная смысловая близость текстов оригинала и перевода, которую переводчики непосредственно добиваются на практике). Таким образом, у переводческой эквивалентности есть предел, в виде максимально возможной степени сохранения содержания оригинала при переводе. При этом, в каждом отдельном случае, переводчики в разной степени и разными способами приближают смысловую близость между оригиналом и перевод к максимальной [Комиссаров 1990]. О допустимом пределе переводческой эквивалентности рассуждает также В.И. Шадрин. При описании требований к качеству перевода он оперирует таким понятием как «норма эквивалентности» – достижение возможно большей общности содержания оригинала и перевода возможно лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода [Шадрин 2016].

Как уже было сказано выше, чаще всего авторы говорят о том, что переводческая эквивалентность, как относительное явление, проявляется на различных языковых уровнях. Так, например, М. Холлидей высказал идею о том, что категория эквивалентности в целом предполагает, что текст оригинала и текст перевода могут быть равнозначными, или эквивалентными, на определенном уровне [Halliday 1992]. В.Н. Комиссаров выделяет пять уровней эквивалентности и отмечает, что на любом из них перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию:

- 1) Эквивалентность на уровне цели коммуникации (сохранение в переводе только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации);

- 2) Эквивалентность на уровне описания ситуации (сохранение в переводе не только цели коммуникации, но и внеязыковой ситуации);
- 3) Эквивалентность на уровне способа описания структур (сохранение в переводе цели коммуникации, описания ситуации и способа ее описания);
- 4) Эквивалентность на уровне синтаксических структур (сохранение в переводе цели коммуникации, описания ситуации, способа ее описания и значительной части синтаксической организации оригинала);
- 5) Эквивалентность на уровне словесных знаков (максимальная степень близости содержания оригинала и перевода) [Комиссаров 1990].

Похожая классификация представлена в работе Ф. Миянда – эквивалентность на уровне слов, грамматических структур, и текстов [Miyanda 2007].

Таким образом, далее в работе мы должны понимать эквивалентность как относительную величину. Переводчики могут достигать эквивалентности между текстами оригинала и перевода на нескольких уровнях. Поскольку настоящее исследование посвящено переводу терминов договорного права, нам необходимо подробнее рассмотреть эквивалентность на уровне отдельных лексических единиц (слов и словосочетаний) – лексическую и терминологическую эквивалентность.

1.2.2 Лексическая и терминологическая эквивалентность

Прежде чем рассмотреть проблему лексической и терминологической эквивалентности необходимо раскрыть их соотношение. В рамках семасиологического подхода эквивалентность можно определить, как «наличие у двух и более лексических единиц разных языков одного или схожего терминологического значения» [Ачкасов 2013: 6-7]. Согласно данному подходу терминологическая эквивалентность рассматривается по

аналогии с лексической эквивалентностью, то есть эквивалентностью отдельных слов и словосочетаний. Терминология является разновидностью лексики, которая отличается лишь степенью специализации значения. Следовательно, все правила, относимые к лексической эквивалентности справедливы и для терминологической эквивалентности, например, о типах семантических соответствий и степени эквивалентности, которые описаны ниже.

Проблема эквивалентности на уровне слов и словосочетаний рассматривалась многими учеными – Л.С. Бархударовым, В.Н. Комиссаровым, М. Холлидеем, С. Шартчевич и др. Ответ на вопрос, существует ли эквивалентность на уровне лексических единиц вообще, неоднозначен. Некоторые исследователи (например, Ф. Миянда) говорят о том, что полного соответствия между словами двух языков не может существовать, возможна лишь частичная эквивалентность [Miyanda 2007].

Л.С. Бархударов считает, что существует несколько типов семантических соответствий между лексическими единицами двух языков, которые можно свести к трем основным: полное соответствие; частичное соответствие; отсутствие соответствия. При этом он указывает на то, что случаев полного совпадения слов и словосочетаний разных языков в полном объеме немного (как правило, ими могут быть однозначные научные и технические термины, дни недели, названия месяцев и пр.).

В случае частичного соответствия у одного слова в ИЯ есть несколько семантических эквивалентов в ПЯ, при этом возможны отношения включения (круг значений слова в одном языке шире, чем у соответствующего слова в другом языке), пересечения (слова двух языков имеют как совпадающие, так и расходящиеся значения) и смысловой недифференцированности (слову одного языка, выражающему более широкое понятие, могут соответствовать два или несколько слов, выражающих более узкие понятия).

Возможно и полное отсутствие соответствия – лексические единицы одного языка могут не иметь ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка [Бархударов 1975].

Подход Л.С. Бархударова к степеням эквивалентности на уровне отдельных лексических единиц во многом совпадает с идеями С. Шартчевич и М. Шифлетт, которые различают практически полные соответствия (near-equivalence), частичные соответствия (partial equivalence) и отсутствие соответствия (non-equivalence) [Sarcevic 2000; Shiflett 2015].

В основе подхода А.В. Ачкасова к определению степени эквивалентности терминов лежит соотнесение понятий данных терминов, которое осуществляется по признаку наличия общих дефинитивных признаков [Ачкасов 2013]. Поскольку данный подход является наиболее удобным с практической точки зрения, мы возьмем его в основу нашего исследования.

В настоящей работе для анализа степени эквивалентности терминологических соответствий российского договорного права и договорного права англоязычных стран предлагается использовать следующую классификацию:

- 1) полные соответствия – термины полностью совпадают по объему значения;
- 2) частичные соответствия – объем значений терминов различается; при этом в качестве частных случаев выделяются такие типы отношений (по Л.С. Бархударову) как пересечение, включение и смысловая недифференцированность;
- 3) безэквивалентные термины – понятие имеется в одной понятийной системе, но отсутствует в другой.

Следует отметить, что к первой категории мы также будем причислять и условно полные соответствия, поскольку правовые системы России и англоязычных стран существенно отличаются, что исключает возможность существования абсолютно полных терминологических соответствий. Мы

предлагаем классифицировать термины как полные соответствия и в том случае, когда они по своему существу отражают один и тот же правовой концепт, несмотря на небольшие различия в правовом регулировании.

Таким образом, под терминологической эквивалентностью в настоящей работе понимается эквивалентность лексических единиц, обладающих особой степенью специализации значения, которая, в зависимости от наличия или отсутствия общих дефинитивных признаков, может подразделяться на несколько типов (полная эквивалентность (в т.ч. условно полная), частичная эквивалентность, а также отсутствие эквивалентности).

1.3 Характеристики юридической терминологии

1.3.1 Понятие юридической терминологии

Взаимоотношения и поведение людей в обществе регулируются посредством юридических норм. При этом они не могут воздействовать на человека, не будучи воплощенными в определенные языковые формы. Для обслуживания такой профессиональной области как юриспруденция в рамках естественного языка сформировался специальный язык – юридический. При этом, юридическая терминология является определенным инструментом данного языка, единицы которого (термины) являются носителями специальной информации [Урматова, Рыспаева 2019]. Мнение о том, что юридический язык является одной из подсистем литературного языка весьма распространено в отечественной литературе (Суперанская, Хижняк). Язык юриспруденции отличается обилием терминов, клише и большого количества устойчивых языковых конструкций, усложняющих восприятие юридического текста.

Юридическая терминология, как инструмент юридического языка – это совокупность устоявшихся юридических терминов, используемых правотворческой практикой. Согласно определению, предложенному в ряде энциклопедических словарей, под юридическим термином следует понимать элемент юридической техники и словесное обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется

содержание нормативно-правовых предписаний государства [Энциклопедический словарь экономики и права 2004]. Юридические термины являются опорными точками в процессе познания права, их следует изучать не просто как единицы языковой системы, но и с точки зрения их реального функционирования и восприятия носителями языка [Воробьева 2013: 183].

С.П. Хижняк, авторитетный специалист в области юридической лингвистики, в зависимости от сферы функционирования различает юридическую терминологию на терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции). Первая относится к официально-деловой среде и включает в себя терминологию законодательства, нормотворчества и правоприменительной практики. Терминология правоведения сложнее терминологии права, она относится к научной сфере функционирования и доктрине права. В ней употребляются термины, обозначающие теоретические понятия, не встречающиеся в текстах законов [Хижняк 1997]. Другими словами, юридические термины, разработанные законодательными органами и используемые в правовых актах, и юридические термины правовой науки и практики различаются способом употребления. Последние не обязательно фиксируются в правовом акте, но также считаются юридическими терминами [Урматова, Рыспаева 2019]. Подобную мысль также высказал А.С. Пиголкин – о делении юридических терминов на определенные в законе и не имеющие юридических определений [Пиголкин 1971]. Таким образом, термин является юридическим и в тех случаях, когда его определение не предложено в законодательном акте.

В связи с этим материал для исследования терминологии договорного права может быть набран не только из текстов законодательных актов или глоссариев терминологии, ссылающихся на них, но и из правоприменительной практики, правовых обычаев и иных допустимых источников. Учитывая тот факт, что источники права англоязычных стран отличаются от источников права в России (в силу разницы правовых семей), данное утверждение

позволит нам расширить базу для поиска терминологических соответствий и провести более комплексное и полное исследование.

1.3.2 Русскоязычная юридическая терминология

Рассмотрим разделение русскоязычной юридической терминологии на терминологию права и терминологию правоведения. С.П. Хижняк отмечал, что они имеют разное время происхождения. Изначально русская юридическая терминология сформировалась именно как терминология права, примерно в X веке. Терминология правоведения возникла намного позднее, в XVIII веке, что сопровождалось повышением интереса к праву и теоретическим осмыслением правовой науки [Хижняк 1997: 6-7].

Юридическая терминология в России чаще всего изучалась на основе материалов, относящихся к ранним периодам ее формирования – с X по XVIII века, такими исследователями как М.А. Брицын, Е.Ф. Мишина, З.С. Патралова и др. Наиболее полно изученной областью является русская терминология международного права [Хижняк 2008: 93].

Русскоязычная терминология развивалась, изменялась и адаптировалась одновременно со становлением права в России – начиная с составленных на старославянском языке и сочетающих как языческие, так и христианские нормы, древнейших правовых актов (например, Русская правда XI века), и заканчивая построением новой правовой системы России на основе рецепции римского права с учетом национально-культурных особенностей. В российскую действительность были заимствованы многие правовые институты зарубежных стран и внедрены английские правовые термины (дью дилидженс, эскроу-счет, франшиза и др.). Язык российской юриспруденции обогащался и видоизменялся на протяжении всей богатой истории нашего государства.

Проблемы русской юридической терминологии рассматривались и в ряде работ юристов. Однако подобные исследования написаны юристами и для юристов, а потому в них вполне возможны определенные лингвистические пробелы [Савицкий 1987: 15].

Помимо классификации юридических терминов, предложенной С.П. Хижняком, существует и ряд других актуальных позиций по данному вопросу. В.А. Толстик приводит наиболее общую классификацию русскоязычных юридических терминов, закрепленных документально: термины законодательства (источников права), термины актов официального толкования, термины правоприменительных актов, термины индивидуальных договоров и термины иных юридических документов [Толстик 2013: 177]. Также термины русскоязычной терминологии можно подразделить в зависимости от отраслевой принадлежности (термины гражданского права, уголовного права, административного права и т.д.).

Рассмотрим некоторые особенности русскоязычной юридической терминологии. У многих терминов права, закрепленных в законодательных актах, довольно часто отсутствует дефиниция, особенно в начальные периоды развития юридической терминологии. С.П. Хижняк предлагает решить проблему с отсутствием дефиниции через аналогию структуры правовой нормы и лингвистического учения о теме и реме. Согласно данному подходу, элементы нормы права: гипотеза, диспозиция и санкция, которые могут быть выражены языковой формулой «если...то...а иначе...», способны помочь реципиенту уловить смысл юридического термина. Гипотеза представляет собой тему высказывания, а диспозиция и/или санкция – рему. Таким образом, рема как ядро высказывания доводит до реципиента значение юридического термина при отсутствии дефиниции [Хижняк 2008: 94].

Русскоязычные юридические термины не ограничиваются рамками одной части речи (сервитут, дееспособный, виндицировать и др.). Они могут быть представлены в виде аббревиатур (ЕГРЮЛ) и словосочетаний (банкротство физических лиц).

Еще одной особенностью юридической терминологии России является ее непрерывное обогащение посредством языкового заимствования. Большое влияние на язык русской юриспруденции в разное время оказали греческие, латинские, французские, английские и немецкие правовые термины и понятия.

Их введение в русскоязычную юридическую терминологию было обусловлено необходимостью определения многих новых правовых явлений и институтов [Волосова 2013: 72]. Следовательно, в русскоязычную юридическую терминологию входит значительное количество заимствованных терминов, в том числе из стран общего права, что может сказаться на результатах настоящего исследования.

1.3.3 Англоязычная юридическая терминология

Различия юридической терминологии англоязычных стран (США, Великобритания, Австралия) и России объясняются свойственными для конкретной страны особенностями правовой системы, менталитета, правовой культуры, языка и истории. При этом, национальная специфика термина может проявляться в рамках одного языка и одной правовой системы (например, в Великобритании и США).

У всей английской юридической терминологии существует единый источник формирования – римское право. Большинство римских юридических терминов дошло до наших дней и стало достоянием многих современных законодательных систем. В английской юридической терминологии используются латинские юридические термины практически без изменения их орфографической структуры (*alibi, bona fide, habeas corpus, memorandum, veto*). Помимо латыни, английской юридической терминологии также присущи другие языковые заимствования, например, из французского (*congress, constitution, legislature*) [Зуева 2013: 55-56].

О большом влиянии латинского и французского языков на английскую юридическую терминологию также говорит М.Е. Видерман. Он разделяет термины английского права на исконные (имеющие англосаксонское происхождение) и приобретенные, и отмечает, что ключевые понятия договорного права в английском языке являются заимствованными (*offer, acceptance и consideration*). Преобладание заимствованной терминологии объясняется историческими причинами – в XIII веке французский язык стал основным языком, использовавшимся в устной речи в суде, а затем и в

письменных актах. Постепенно английский язык смог занять главенствующее положение, однако значительная часть французской юридической терминологии стала его органичной составляющей. Иностраные термины включались в английский юридический язык путем прямого и непрямого заимствования, например, некоторые латинские слова сначала были адаптированы французским языком и только потом перешли в английский (contract) [Видерман 2011: 38-39].

Английские юридические термины не ограничиваются рамками одной части речи и также могут быть представлены в виде аббревиатур и словосочетаний [Зуева 2013: 57].

Особенностью английской юридической терминологии является то, что ее некоторые термины характеризуются многозначностью и их значение выявляется только на основе контекста, например, security agreement может означать как договор о безопасности, так и договор об обеспечении. Кроме того, здесь можно выделить и те юридические термины, которые также являются словами общелитературного языка, вошедшие в английскую юридическую терминологию в результате процесса терминологизации (misunderstanding, consideration) [Зуева 2013, Видерман 2011].

Другая характерная особенность английской юридической терминологии – существование дуплетов и триплетов терминов, обозначающих одно и то же понятие (null and void, terms and conditions). Это может быть объяснимо тем, что в Средневековье смешение языков было нормой, и для лучшего понимания написанного юристы использовали несколько терминов из разных языков при передаче определенного понятия [Видерман 2011: 40].

Таким образом, рассмотрев вопросы происхождения и особенности русскоязычной и англоязычной юридической терминологии, мы можем сделать определенные прогнозы для практической части нашего исследования относительно наличия или отсутствия полных и частичных

терминологических соответствий, а также, в перспективе, более комплексно проанализировать полученные результаты.

1.4 Договорное право как часть гражданского права

Перед тем как рассуждать об особенностях договорного права в России, США, Великобритании и Австралии следует сразу обозначить определение такого понятия как правовая семья. Правовая семья – это совокупность нескольких родственных национальных правовых систем, которые характеризуются сходством некоторых признаков. Такими признаками могут быть пути формирования и развития правовой системы; общность источников права, принципов регулирования, основных понятий и отраслевой структуры; унифицированность юридической терминологии и др. [Матузов, Малько 2004: 88]. К основным правовым семьям мира относятся романо-германская (континентальная) семья, англо-саксонская семья (семья общего права), семья социалистического права, семья религиозного права (мусульманское, индуское, иудейское право) и др. [Давид 1996]. Поскольку мы изучаем договорное право вышеназванных стран, в фокус нашего исследования также должны входить особенности тех правовых семей, в которые входят эти государства: романо-германской правовой семьи – для России (при всех своих особенностях она наиболее родственна именно ей); семьи общего (англосаксонского) права – для США, Великобритании и Австралии. Основные различия между двумя правовыми семьями заключаются в:

1. Источниках права (в романо-германской правовой семье – единая иерархическая система источников писаного права, основным источником права является нормативный акт; в англосаксонской – основным источником права выступает судебный прецедент. В странах континентальной правовой семьи используются правовые акты, обладающие высшей юридической силой – конституции, нормативные акты кодифицируются, весомое положение занимают подзаконные нормативные акты, в качестве вспомогательных источников права выступают правовой обычай и юридический прецедент (в России –

дискуссионный вопрос), особое значение имеет юридическая доктрина. В странах общего права широко развито статутное право, юридические обычаи выступают в качестве вспомогательных источников, юридическая доктрина, как правило, является сугубо прикладной);

2. Формировании права (в романо-германской – общие правила поведения создает законодатель, а правоприменитель (судья, административные органы и др.) лишь реализовывает эти нормы в конкретных правоприменительных актах; в англосаксонской – правотворчество осуществляет суд, процессуальное право во многом определяет право материальное);
3. Структуре права (в романо-германской – система права делится на публичное и частное, а также на отрасли; в англосаксонской – нет кодифицированных отраслей права, отсутствует деление права на частное и публичное) [Матузов, Малько 2004].

Теперь, когда мы обозначили различия в правовых системах России и англоязычных стран, присутствующих по умолчанию, перейдем непосредственно к специфике договорного права каждого государства.

1.4.1 Место договорного права в правовой системе России

Договор, по сути своей, является соглашением двух или более лиц, касающимся установления, прекращения или изменения различных гражданских прав и обязанностей. Его назначение заключается в том, что он служит самостоятельным основанием возникновения обязательства между сторонами. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский называют договор гибкой правовой формой, в которую могут облекаться различные по характеру общественные отношения. Он необходим для регулирования поведения людей в рамках закона путем указания на пределы их возможного и должного поведения, а равно на последствия нарушения соответствующих требований. Регулятивная функция договоров сближает данную правовую конструкцию с нормативными актами. Однако, в отличие от нормативного акта, который

выражает волю издавшего его органа, в договоре выражена воля сторон, которые его заключают [Брагинский, Витрянский 2001: 6].

Договор считается заключенным, когда стороны полностью согласовывают его существенные условия. При этом, они вправе действовать исключительно в рамках, установленных законодательными актами соответствующей отрасли права. Так, Ю.А. Тихомиров отмечает, что закон является «отцом договора» [Тихомиров 1993: 13]. Конструкция договора применяется в таких правовых отраслях как международное право, трудовое право, публичное право, административное право и др. Но, разумеется, наиболее широко договоры используются в гражданском праве.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский предлагают определять договорное право посредством терминологии уголовного права – они обозначают его как институт особенной части отрасли гражданского права [Брагинский, Витрянский 2001: 17]. Существуют также позиции о том, что договорное право является подотраслью обязательственного права, которая в свою очередь выступает подотраслью гражданского права [Суханов 2011: 79]; или сформировалась в самостоятельную отрасль права [Тихомиров 1990]. В настоящей работе мы будем придерживаться позиции Е.А. Суханова. По его мнению, обязательственное право представляет собой подотрасль гражданского права, нормы которой регулируют имущественный или экономический оборот (переход разного рода благ от одних лиц к другим), таким образом преобразуя его в гражданско-правовой оборот [Суханов 2011: 35]. Договорное право, как подотрасль обязательственного права делится на институты отдельных договорных обязательств (договоры купли-продажи, подряда, аренды и др.), а те в свою очередь на еще более мелкие однородные совокупности норм – субинституты – по отдельным разновидностям соответствующих договоров (например, институт договора купли-продажи – на субинституты розничной купли-продажи, поставки, контрактации и т.д.) [Суханов 2011: 80].

Договорное право регулирует вопросы заключения, исполнения, расторжения договоров, а также установления ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами своих обязательств.

В нормативный массив договорного права России включаются положения Гражданского Кодекса РФ, например, статьи раздела I «Общие положения»; раздела III «Общая часть обязательственного права», в частности подраздела 2 раздела III «Общие положения о договоре»; глав, разбирающих отдельные договорные конструкции, раздела IV «Отдельные виды обязательств» и др. Разумеется, указанными нормами правовое регулирование договоров не исчерпывается. Положения, относящиеся к договорному праву, можно найти во всех четырех частях Гражданского Кодекса РФ. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский отмечают, что договоры регулируются особым образом в соответствии с одной из наиболее распространенных моделей гражданско-правовой нормы, включающей формулировку: «Если иное не предусмотрено договором» [Брагинский, Витрянский 2001: 17]. Договорное право РФ также регулируется другими источниками помимо Гражданского Кодекса – например, Конституцией РФ, международными договорами и соглашениями РФ, федеральными законами, подзаконными нормативно-правовыми актами, законами субъектов РФ, обычаями делового оборота и др.

1.4.2 Характеристики американского, британского и австралийского договорного права

Несмотря на то, что США, Великобритания и Австралия входят в единую правовую семью, особенности политико-правовой системы, территориального положения и устройства, культуры и исторического опыта каждой страны накладывают свой отпечаток на местное договорное право и его язык.

Правовые системы стран общего права, в том числе США и Австралия, были подвержены влиянию английского права во времена британской колонизации [Cartwright 2016]. Отправной точкой становления английского

права считается Нормандское завоевание 1066 года. По мнению, В.С. Белых, отдельные элементы общего права в Англии существовали и до этого события. Он выделяет четыре этапа в истории английского права: первый – предшествующий Нормандскому завоеванию; второй – начиная с 1066 г. до 1485 г. (воцарение династии Тюдоров), когда общее право проходило период своего становления и преодолевало местные обычаи; третий – с 1485 г. по 1832 г., расцвет и компромисс с правом справедливости; четвертый – с 1832 г. и до наших дней [Белых 2019].

В Австралии английское право стало непосредственно применяться сразу после появления на континенте постоянных английских колоний в 1788 г. Позже Закон об австралийских судах 25 июля 1828 г. обязал все существовавшие на тот момент австралийские колонии применять все нормы общего права и парламентские акты Англии того времени (что привело к использованию Австралией некоторых уже отмененных актов Великобритании по сей день). Впоследствии, Австралия получила возможность самостоятельно формировать свою правовую и судебную системы, но английское влияние остается сильным до сих пор [Хворостяный 2009]. В Австралии, в отличие от Великобритании, была принята писанная кодифицированная Конституция (1901 г.), которая выступает основным законом государства и действует на всей его территории [Australian Government Solicitor 2012].

Американская правовая система также сформирована на началах английского права со времен английской колонизации XVII века, однако обладает рядом своих особенностей. Некоторые исследователи полагают, что она имеет определенные черты, характерные для стран романо-германской правовой семьи, например, в сфере систематизации законодательства. Особенно отличает США от прочих стран общего права принятие Конституции в 1787 г., существование 51 самостоятельных правовых систем внутри страны ввиду ее федеративного устройства, и собственные правила к

применению прецедентного права Верховным судом США и высшими судебными инстанциями штатов [Караманукян 2011].

Р.О. Халфина говорит о том, что некоторые институты и отдельные нормы английского договорного права сложились в праве справедливости, такие как исполнение в натуре и договоры в пользу третьего лица [Халфина 1959]. В.С. Белых считает, что источниками английского договорного права, прежде всего, являются судебные прецеденты и статуты (например, Закон о несправедливых условиях договора 1977). Также среди источников договорного права он выделяет акты делегированного законодательства; и правовые обычаи, отмечая при этом, что в Англии и США императивные положения законов имеют над ними приоритет [Белых 2019]. В австралийской системе общего права силу прецедента имеют лишь решения Верховного суда Австралии и верховных судов штатов и территорий [Хворостяный 2009: 204]. У. Свэйн говорит о том, что общее право в Австралии является единым для всех штатов и территорий (в отличие от США, что подчеркивают Д.Т. Караманукян и М.В. Хворостяный) [Swain 2014]. В США, при развитой системе прецедентного права, большую роль играют письменные и кодифицированные источники договорного права.

Как уже было указано выше, в странах, принадлежащих англосаксонской правовой семье, право не делится на отрасли, оно однородное. Следовательно, бессмысленно рассуждать о существовании договорного права как самостоятельной отрасли, института или подотрасли гражданского права. Договорное право в странах англосаксонской правовой семьи, по своей сути, это совокупность судебных прецедентов и законодательных норм, определяющих содержание понятия договора и регулирующих различные аспекты договорных отношений [Юдин 2013].

Предложения о кодификации договорного права в данных государствах воспринимаются неоднозначно. Так, например, У. Свэйн критикует идею кодификации договорного права Австралии [Swain 2014], а Дж. Элдридж считает, что, хотя в Британии наблюдается возрождение интереса к

кодификации договорного права, в Австралии этого в обозримом будущем не произойдет [Eldridge 2019]. В США к данному вопросу наблюдается другой подход. Их отличает стойкое стремление к упорядочению правовой системы, среди первых примеров кодификации правовых норм – кодификация норм торгового оборота (Единообразный торговый кодекс 1952 г.). У. Свэйн также указывает на существование особого учреждения – Американского института права, занимающегося кодификацией договорного права в этой стране, который разработал (второй) Свод договорного права США 1981 г. [Swain 2014]. Кроме того, издание кодифицированных актов производится как на уровне федерации, так и на уровне штатов.

Особенности конструкции договора в общем праве в целом разделяются между всеми рассматриваемыми странами, с некоторыми исключениями. И.И. Чиронова отмечает, что для заключения договора в англо-американском договорном праве необходимо достичь соглашения по его существенным условиям (разным для каждого конкретного договора). Важными элементами заключения договора являются обоюдное намерение создать правовые отношения (*intention to be legally bound*), оферта (*offer*), акцепт (*acceptance*), соблюдение в необходимых случаях требуемой формы договора, и, особенный институт англосаксонского права – *consideration*, или встречное предоставление (удовлетворение). Принцип встречного предоставления заключается в следующем – если лицо, которому было дано обещание выполнить какое-либо обязательство, не предлагает ответного (встречного) предоставления, данное обещание считается безвозмездным и не связывающим [Чиронова 2009].

Договорное право Австралии не содержит существенных отличий от английского права. У. Свэйн отмечает в нем некоторую неоднородность. Он приводит в пример отказ Западной Австралии, Квинсленда и Северной Территории от доктрины «*privity of contract*» (недопустимость вмешательства третьих лиц в договорные отношения), и сохранения ее в других штатах. Данная ситуация не выдерживает критики не только из-за

непоследовательности регулирования между штатами и территориями, но и потому что вышеназванная доктрина является «плохим правом» [Swain 2014].

Американское договорное право отличается, как уже было указано, кодифицированный характер источников и некоторые случаи иного правового регулирования. Например, в отличие от английского договорного права в американском присутствует принцип подразумеваемой добросовестности (*implied duty of good faith*). С.Л. Будылин говорит о том, что в английском договорном праве понятие подразумеваемой добросовестности отсутствует – от сторон не требуется исполнять договор добросовестно, им нужно его просто исполнить. Однако стороны могут по собственному желанию включить в договор требование о добросовестном сотрудничестве [Будылин 2019]. С другой стороны, в США принцип добросовестного исполнения договоров используется для урегулирования договорных правоотношений [Винокуров 2018].

Мы рассмотрели основные характеристики договорного права в России, США, Великобритании и Австралии. Поскольку договорное право Англии и Австралии не имеет существенных отличий, на данный момент мы можем сделать вывод о том, что в соответствующей терминологии этих двух стран нами будет обнаружено большое количество терминологических соответствий. Немного иная ситуация будет наблюдаться с терминологией договорного права США.

1.5 Способы перевода безэквивалентных юридических терминов

Рассмотрим, какие способы перевода используются для передачи значения термина языка оригинала в языке перевода, если в последнем для него отсутствует эквивалент.

А.Д. Швейцер толкует понятие безэквивалентной лексики через термин «реалия» – для него безэквивалентная лексика является лексическими единицами, служащими для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре [Швейцер 1973: 108]. При этом, А.О. Иванов отмечает, безэквивалентная лексика включает в себя не только

обозначения специфических реалий и явлений определенной культуры, но и единицы языка оригинала, которые не имеют устойчивых соответствий в языке перевода, в том числе и термины [Иванов 2006: 80].

Основной причиной безэквивалентности терминов являются реалии в научной действительности, которые приводят к отсутствию в языке перевода тех или иных понятий [Попова, Семенова 2016: 40]. В нашем случае наличие безэквивалентных терминов будет обусловлено разницей в правовом регулировании договоров в России и англоязычных странах.

По мнению Л.С. Бархударова, существует несколько способов перевода безэквивалентных терминов: транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод или перевод посредством аналога, трансформационный перевод.

При переводческой транслитерации из языка оригинала в язык перевода переносится графическая (буквенная) форма слова, а при транскрипции – его звуковая форма. Данными способами перевода безэквивалентной лексики рекомендуется не злоупотреблять, поскольку копирование звуковой или буквенной формы лексической единицы исходного языка не способно раскрыть ее значения без соответствующих пояснений для человека, не владеющего языком оригинала.

Способ калькирования заключается в том, что при передаче безэквивалентной лексической единицы переводчик заменяет ее составные части (морфемы или слова, если речь идет об устойчивых словосочетаниях) их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода.

Описательный перевод – это раскрытие значения безэквивалентного термина через его существенные признаки, то есть при помощи его определения (дефиниции). Главный недостаток этого способа перевода безэквивалентной лексики заключается в том, что в результате перевода мы получаем слишком объемные и громоздкие конструкции.

Перевод посредством аналога заключается в поиске ближайшего по значению соответствия в языке перевода для безэквивалентной лексической

единицы языка оригинала. Аналоги могут использоваться в художественной и общественно-политической литературе, но, на наш взгляд, не должны применяться при переводе юридических терминов, поскольку они передают значение исходной лексической единицы не полностью, а лишь приблизительно, и в некоторых случаях могут создать не вполне правильное представление об обозначаемом предмете или явлении.

Что касается трансформационного перевода, данный способ заключается в перестройке синтаксической структуры предложения, либо в лексических заменах с полным изменением значения исходного слова, либо и в том и другом одновременно (лексико-грамматические переводческие трансформации). При трансформационном переводе необходимо знание широкого контекста и экстралингвистической ситуации [Бархударов 1975].

Таким образом, после изучения существующих способов перевода безэквивалентной лексики, мы можем проследить как они используются переводчиками на практике.

Выводы по главе I

Таким образом, практическая составляющая нашего исследования будет основана на следующих теоретических положениях:

1. В настоящей работе термин определяется вслед за А.В. Суперанской как словесное обозначение специального понятия, которое входит в систему понятий определенной области профессиональных знаний. При этом, среди основных признаков термина мы выделили его единство с конкретным понятием определенной предметной области, его системность и дефинированность. Терминология рассматривается нами как стихийно сложившаяся совокупность терминов договорного права, отражающая исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной предметной области и содержащая как специальные термины, так и общеупотребительную лексику;

2. Для классификации терминов договорного права мы расширили классификацию юридических терминов А.С. Пиголкина. Термины, используемые в договорном праве мы подразделяем на общеправовые (актуальные для права в целом), межотраслевые (актуальные для нескольких отраслей права), специальные (использующиеся исключительно в контексте договорного права), и узкоспециальные (применяющиеся исключительно к конкретной договорной конструкции);

3. Под терминологической эквивалентностью в настоящей работе понимается эквивалентность лексических единиц, обладающих особой степенью специализации значения, которая, в зависимости от наличия или отсутствия общих дефинитивных признаков, может подразделяться на несколько типов (полная эквивалентность (в т.ч. условно полная), частичная эквивалентность, а также отсутствие эквивалентности). Кроме того, основываясь на классификации Л.С. Бархударова, мы намерены рассмотреть такие типы отношений в частичных терминологических соответствиях, как пересечение, включение и смысловая недифференцированность;

4. Юридическая терминология – это определенный инструмент юридического языка, сформированного в рамках естественного языка для обслуживания такой профессиональной области как юриспруденция. Это совокупность устоявшихся юридических терминов, используемых правотворческой практикой и являющихся носителями специальной информации. Термин является юридическим и в тех случаях, когда его определение не предложено в законодательном акте, что позволяет нам расширить базу для поиска терминологических соответствий договорного права России и англоязычных стран;

5. И русскоязычная, и англоязычная юридические терминологии включают большое количество языковых заимствований, сформированы под влиянием римского права, не ограничены рамками одной части речи;

6. Договорное право в России – это подотрасль обязательственного права, которое, в свою очередь, является подотраслью гражданского права. Основным источником договорного права в России считается Гражданский Кодекс РФ. Также, договорное право РФ регулируется такими источниками как Конституция РФ, международные договоры и соглашения РФ, федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты, законы субъектов РФ, обычаи делового оборота и др.

7. Поскольку США, Великобритания и Австралия входят в единую англосаксонскую правовую семью, различий между договорным правом этих стран немного. Мы отметили наличие одинаковой системы источников договорного права (прежде всего, это судебные прецеденты и статуты) и единого понимания сущности и элементов договора.

Правовая система США является наиболее самобытной, так, среди источников договорного права США выделяются кодифицированные правовые акты. Договорное право США и Великобритании отличаются некоторыми правовыми институтами и случаями правового регулирования.

Договорное право Австралии, в силу существенного влияния английского права, мало чем от него отличается. Однако отмечается его

неоднородность и непоследовательность регулирования между штатами и территориями Австралии.

8. Безэквивалентные юридические термины – это единицы языка оригинала, которые не имеют устойчивых соответствий в языке перевода. Это обусловлено реалиями действительности, которые приводят к отсутствию в языке перевода тех или иных понятий. Среди способов перевода безэквивалентных юридических терминов выделяются транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, перевод посредством аналога, трансформационный перевод.

Глава II Терминологические соответствия в области договорного права России, США, Великобритании и Австралии

2.1 Характеристика материалов исследования

Для исследования было отобрано 126 терминов договорного права на русском языке и 145 терминов договорного права на английском языке. Между терминами российского и английского договорного права установлены отношения полной или частичной эквивалентности, а также выявлены безэквивалентные термины в обеих группах. В результате мы составили и проанализировали 164 пары терминов, при этом безэквивалентным терминам было подобрано переводное соответствие.

Источниками русскоязычных и англоязычных терминов для целей настоящего исследования послужили материалы как сферы фиксации, так и сферы функционирования терминов. В материалах сферы фиксации закрепляется значение терминов, к ним относятся тезаурусы, энциклопедии, специальные толковые и двуязычные словари. В материалах сферы функционирования термины существуют в контексте и взаимодействуют в рамках определенной терминосистемы, к ним относятся специальная литература, монографии, тексты законодательных актов и т.д. [Чиронова 2007: 149].

К сфере фиксации относятся следующие использованные нами материалы – энциклопедические и толковые юридические словари, глоссарии по терминологии договорного права, находящиеся в открытом доступе.

Мы также использовали материалы, относящиеся к сфере функционирования, – это тексты российских и англоязычных нормативно-правовых актов, тексты судебных решений, научные статьи юридической тематики, материалы веб-сайтов юридической направленности.

Вышеперечисленные материалы использовались для отбора терминов и определения их значения, а также для поиска контекста, с помощью которого объяснялось то или иное правовое понятие. В результате нам удалось получить репрезентативный пласт терминов российского и английского

договорного права, проанализировать данные термины, выявить сходства и различия между ними, и определить степень их эквивалентности.

Примечательно, что преобладающее число использованных материалов на русском языке относится к сфере функционирования терминов. Это обусловлено тем, что многие российские юридические термины фиксируются не столько в словарях, сколько в текстах законодательных актов. Напротив, дефиниции английских терминов договорного права в большинстве своем извлечены из специализированных глоссариев и толковых юридических словарей (то есть, из материалов сферы фиксации терминов). Кроме того, определения понятий некоторой части англоязычных терминов были взяты из текстов судебных прецедентов, авторитетных для юридической доктрины стран общего права. В отличие от российского права в Англии, Австралии и США определения юридических терминов редко закрепляются в законодательных актах ввиду их небольшого количества и в целом некодифицированного характера законодательства.

2.2 Принципы сопоставления и классификации терминов

В первой главе настоящего исследования мы пришли к выводу о том, что для анализа степени эквивалентности терминологических соответствий российского договорного права и договорного права англоязычных стран следует использовать следующую классификацию: полные соответствия – термины полностью совпадают по объему значения; частичные соответствия – объем значений терминов различается (возможны отношения пересечения, включения и смысловой недифференцированности); и безэквивалентные термины – понятие существует в одной понятийной системе, но отсутствует в другой.

Следует отметить, что полные соответствия можно назвать «полными» лишь условно, ввиду значительных различий между правовыми системами России и стран общего права. В большинстве своем терминологические пары, причисленные к полным соответствиям, включены в данную категорию с оговорками. Мы классифицировали термины как полные соответствия в

случае, если они по своему существу отражают один и тот же правовой концепт и допускали при этом небольшие различия в правовом регулировании (например, в основаниях и процедуре применения).

При классификации терминов в качестве частичных соответствий мы определяли степень эквивалентности между ними индивидуально для каждого рассматриваемого случая. Нами были установлены отношения включения, пересечения и смысловой недифференцированности между частично эквивалентными терминами. Для полного понимания каждого термина и выявления его отличительных признаков мы изучали нормативные акты, судебную практику и монографии, посвященные договорному праву как России, так и стран общего права.

К безэквивалентным терминам мы отнесли такие термины договорного права, обозначающие понятия которых отсутствуют в правовой системе того или иного государства, в том числе и в тех случаях, когда данные понятия изучаются в доктрине страны (России, Великобритании и т.д.), где существуют подобные реалии правовой действительности. К каждому выделенному безэквивалентному термину нами было подобрано переводное соответствие.

2.3 Полные соответствия

К полным соответствиям могут быть отнесены термины договорного права, обозначающие общие понятия из области договорного права для континентальной и англосаксонской правовых систем; отдельные термины классификации, формы и структуры договоров; термины-обозначения некоторых договорных конструкций; заимствованные термины. Всего нами было составлено 113 пар (условно) полных терминологических соответствий (69% от общего числа собранного материала).

Пример 1.

contract – a promissory agreement between two or more persons that creates, modifies, or destroys a legal relation [12].

договор – соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [2].

Такая правовая конструкция как договор по сути является основанием возникновения нового правоотношения между сторонами (или прекращения существующего правоотношения). Для российского и английского договорного права понятие «договор» является центральным, это ядро целой системы терминов, относящихся к указанной правовой отрасли.

В результате анализа дефиниций данного понятия и изучения правового контекста его использования мы сделали вывод о том, что соответствие между терминами «contract» и «договор» является полным, они отражают одно и то же юридическое понятие. При этом договоры в английском и российском праве существенно отличаются в конструирующих элементах. Наиболее важно отметить, что договор в английском праве, в отличие от российского, не может существовать без элемента *consideration* (встречного предоставления или удовлетворения). Иными словами, в странах общего права договор, за редким исключением, всегда является возмездным. В России договор может быть заключен и без условия о встречном предоставлении и быть безвозмездным – например, договор дарения, по которому одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать что-либо другой стороне (одаряемому) [2].

Термину «договор» также соответствуют такие термины английского договорного права как «agreement» и «treaty». При упоминании некоторых видов договоров и соглашений в английском языке возможна сочетаемость только со словом «agreement», как, например, в случае с конструкцией «non-disclosure agreement» (соглашение о неразглашении):

1) *How many **non-disclosure agreements (NDAs)**, confidentiality agreements (CDAs), or special severance payments with confidentiality clauses...* [21].

Тем не менее, «agreement» может означать согласие в самом широком смысле и не всегда является синонимом термина «contract»:

2) *The whole family was in **agreement** with her about/on what they should do* [14].

Термин «*treaty*» также не может выступать в качестве полного эквивалента термина «договор», поскольку чаще используется для обозначения понятия «международный договор» [Чиронова 2009]:

*3) For multilateral **treaties** where the UK is not the depositary, we recommend that you check their current status with the depositary government or authority [21].*

Термин «*contract*» также может быть переведен на русский язык как «контракт». В Гражданском Кодексе РФ термин «контракт» упоминается в словосочетании «государственный (муниципальный) контракт» в статьях 525-529, 531-534, 763-768, 1298, 1373, 1432 и 1464:

*4) Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд осуществляется на основе **государственного или муниципального контракта** на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд... [2].*

Проанализировав перечисленные статьи ГК РФ, мы пришли к выводу о том, что в России термин «контракт» используется в том случае, если одной из сторон договора выступает государственный (муниципальный) заказчик. Предметом контракта обычно является оказание услуг, поставка товаров или выполнение работ в целях обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

Также в юридической практике существует тенденция по использованию термина «контракт», когда речь идет о внешнеэкономических сделках:

*5) Основное волнение сосредоточено вокруг **международных контрактов**, связанных с экспортом или импортом [24].*

Таким образом, «контракт» включает в себя все признаки договора, но является более узким по значению термином и используется в определенном контексте.

Исходя из вышеизложенного, мы вправе сделать вывод о том, что термины «*contract*» и «договор» в наибольшей степени соответствуют друг другу.

Пример 2.

offer – an explicit proposal to contract which, if accepted, completes the contract and binds both the person that made the offer and the person accepting the offer to the terms of the contract [18].

оферта – адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определено и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение [2].

Анализ дефиниций и контекста использования терминов показал, что они полностью соответствуют друг другу. Несмотря на некоторые различия в правовом регулировании данные термины по своей сути обозначают одно – предложение к заключению договора. Термин «оферта» закреплен законодательно, поэтому мы можем считать его официальным переводом английского «offer».

В русском языке также существуют варианты перевода термина «offer» как «предложение» и «оффер».

Термин «предложение» шире термина «оферта» по значению. Тем не менее, он часто используется в юридическом контексте как его синоним:

*б) В случае направления конкретному лицу **предложения** заключить договор, в котором содержатся условия, достаточные для заключения такого договора... [7].*

Это может быть объяснено тем, что для носителей русского языка данный термин кажется более естественным и знакомым. В некоторых случаях сочетаемость с термином «предложение» даже предпочтительней, например, в формулировках «предложение о работе» или «предложение о сотрудничестве»:

*7) Консультирование кандидата с момента получения **предложения о работе** и до выхода на работу [8].*

Что касается термина «оффер», его использование ограничено контекстом заключения трудовых договоров:

*8) Принятый **оффер** означает, что стороны договорились и следующий шаг – выход на работу [3].*

Таким образом, термин «оферта» является наиболее близким по значению переводным эквивалентом термина «offer».

Пример 3.

contract of sale/contract for sale – a contract by which one of the contracting parties, called the «seller», enters into an obligation to the other to cause him to have freely, by a title of proprietor, a thing, for the price of a certain sum of money, which the other contracting party, called the «buyer», on his part obliges himself to pay [12].

договор купли-продажи – договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) [2].

Договор купли-продажи – это правовой институт, имеющий многовековую историю. Очевидно, что приведенные термины, обозначающие договорную конструкцию купли-продажи полностью эквивалентны, поскольку купля-продажа, по своему существу представляет собой определенную модель отношений продавца и покупателя, которая является одинаковой и в России, и в англоязычных странах: продавец обязуется предоставить товар, покупатель уплатить деньги.

Перевод термина «договор купли-продажи» также возможен следующими терминологическими сочетаниями: agreement of sale and purchase (agreement of purchase and sale), sale and purchase agreement (SPA; purchase and sale agreement), contract of sale and purchase (contract of purchase and sale), sale and purchase contract (purchase and sale contract), sales contract, purchase contract и др. [6].

Наличие такого большого количества синонимичных терминов можно объяснить тем, что: 1) в договорном праве стран общего права действует принцип генерального договора – существует единая генеральная теория договора и нет понятия сингулярных (поименованных) договоров и отдельных требований к их регулированию и наименованиям [Осакве 2002]; 2) в современном мире большинство международных сделок заключается на английском языке, в том числе и не его носителями – следовательно, появляются разные варианты перевода данной договорной конструкции.

Юристы отмечают, что для купли-продажи некоторых объектов принято использовать конкретные варианты наименования договора-купли продажи. Так, договор «SPA» (Sales and Purchase Agreement) чаще используется для купли-продажи недвижимости [Chen 2021].

В качестве эквивалента термину «договор купли-продажи» нами были выбраны «contract of sale» и «contract for sale» потому, что именно эти варианты закреплены в статутах общего права (Sale of Goods 1979 (Англия), Uniform Commercial Code (США), Sale of Goods 1895 (Южная Австралия)):

9) A *contract of sale of goods* is a contract by which the seller transfers or agrees to transfer the property in goods to the buyer for a money consideration, called the price [27].

10) «*Contract for sale*» includes both a present sale of goods and a contract to sell goods at a future time [29].

11) A *contract of sale* may be absolute or conditional [26].

По мнению С.А. Осокиной сокращение наименований конструкции договора купли-продажи до исключительно обозначения акта покупки или продажи, как, например, Car Sales Agreement (или Car Purchase Agreement), обусловлено тем, что носителям английского языка формулировки «purchase and sale» и «купля-продажа» кажутся избыточными, поскольку свершение акта продажи неминуемо влечет и акт покупки, и наоборот. Подобное сокращенное наименование договора свидетельствует о стремлении английских юристов к краткости и сжатости его текста. Напротив, формулировка «купля-продажа» в русскоязычных текстах является следствием устоявшейся традиции указания мельчайших деталей юридической сделки [Осокина 2019].

Тем не менее, тенденция сокращенного наименования договора в странах общего права не умаляет полного соответствия значений рассматриваемых терминов.

Пример 4

void contract – one which never had any legal existence or effect, and such contract cannot in any manner have life breathed into it. Expression denotes that the parties to the transaction have

gone through the form of making a contract, but that none has been made in law because of lack of some essential element of a contract, and such contract creates no legal rights and either party thereto may ignore it at his pleasure, in so far as it is executory [12].

ничтожный договор (ничтожная сделка) – сделка, не отвечающая обязательным требованиям закона; является недействительной с момента заключения независимо от признания ее таковой судом. Ничтожными являются сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам, заведомо противные интересам правопорядка и нравственности, мнимые и притворные сделки; любые сделки, совершенные недееспособным лицом [1].

В качестве определения термина «ничтожный договор» нами приведено определение «ничтожной сделки». Это объясняется тем, что согласно п. 1 ст. 431.1 ГК РФ положения ГК РФ о недействительности сделок (параграф 2 главы 9) применяются к договорам, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров и настоящей статьей [2]. Таким образом, правовые нормы, регулирующие недействительность сделок, в том числе норма, закрепляющая определение ничтожной сделки, справедливы и для недействительности договоров.

Приведенные выше термины являются условно полными соответствиями. В дефинициях мы можем определить совпадающие элементы – «void contract» и «ничтожный договор» не имеют юридической силы с момента заключения; для признания договора ничтожным не нужно обращаться в суд; ничтожный договор не отвечает требованиям закона.

При этом в дефиниции русскоязычного термина приведены примеры, когда договор является ничтожным. После изучения отраслевых текстов, посвященных «void contract» мы определили, что в английском договорном праве договор считается ничтожным по схожим основаниям, но есть и несовпадения.

Таким образом, в правовом регулировании ничтожных договоров России и стран общего права есть некоторые различия, однако мы считаем, что приведенные термины все же обозначают один и тот же юридический концепт и могут считаться условно полными эквивалентами.

Пример 5

restitution – restitution. N. (1) A remedy in which a victim is restored to his or her original state or condition prior to the injury; the act of making good for some wrong; restoration of the status quo. (2) Paying money or other consideration as recompense for a loss or injury. (3) Restoration of stolen property to its owner [19].

реституция – возврат сторонами всего полученного ими по сделке в случае признания ее недействительной. При невозможности возвратить полученное в натуре возмещается его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены в законе. Общим правилом является двусторонняя реституция [1].

Данные термины представляют собой пример полного соответствия. Оба являются заимствованиями латинского термина *restitutio (restitutio in integrum)*, означающего возвращение в первоначальное состояние, восстановление в прежнем положении, в прежних правах [5]. Институт реституции был разработан в римском праве, положения которого в значительной степени повлияли как на англосаксонскую правовую систему, так и на континентальную.

Термин «реституция» не закреплен в ГК РФ, однако сам концепт возврата всего полученного в недействительной сделке в нем прописан в п. 2 ст. 167 – при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом [2]. Также термин «реституция» широко используется в доктрине и судебной практике:

12) Двусторонняя реституция как общее последствие недействительности ничтожных и оспоримых сделок является способом защиты гражданских прав, а не санкцией за совершенное правонарушение [4].

Иными словами, термин «реституция», несмотря на отсутствие законодательного закрепления, прочно укоренился в лексике гражданского и договорного права. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что

данный русскоязычный термин является устойчивым и полным эквивалентом термина «restitution».

2.4 Частичные соответствия

В настоящем параграфе приведены примеры частичных терминологических соответствий, раскрыты такие отношения частичного соответствия как включение, пересечение и смысловая недифференцированность.

Мы составили 23 пары частичных терминологических соответствий (14% от общего числа собранного материала). Из них в 13-ти примерах наблюдается отношение включения значений (57%); в 9-ти примерах – отношение пересечения (39%); и в одном отношении смысловой недифференцированности (4%).

Далее мы приведем примеры на каждое из вышеуказанных отношений частичного терминологического соответствия.

Пример 6

frustration – frustration occurs whenever the law recognises that without default of either party a contractual obligation has become incapable of being performed because the circumstances in which performance is called for would render it a thing radically different from that which was undertaken by the contract [17].

невозможность исполнения – обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает [2].

Приведенное определение термина «frustration» было предложено лордом Рэдклифом в деле *Davis Contractors v. Fareham UDC*, судебном прецеденте, включающем авторитетные положения для данной доктрины.

Под «frustration of contract» в странах общего права понимают «тщетность» договора, вследствие наступившего после заключения договора кардинального и непредвиденного изменения внешних условий. В случае если договор ввиду случившихся непредвиденных обстоятельств признается «тщетным», стороны освобождаются от обязанностей по нему (например, как в случае из дела *Taylor & Anor v. Caldwell & Anor*: если концертный зал сгорел

из-за пожара, договор аренды прекращается – арендодатель освобождается от обязанности предоставить зал, арендатор – от обязанности по оплате аренды) [Петрова 2016].

Наиболее близким российским правовым институтом к доктрине «frustration» мы считаем «невозможность исполнения» – невозможность стороны совершить предусмотренные обязательством действия, наступившая не по ее вине, что влечет прекращение обязательства. Однако, данное терминологическое соответствие является лишь частичным, поскольку невозможность исполнения (impossibility) – это лишь одно из оснований для «тщетности» договора в английском праве. Доктрина «frustration of contract» применяется также в случае незаконности исполнения (illegality); и «тщетности» цели договора (или «крушения» цели договора как предлагает К. Осаке, но мы считаем данный вариант перевода неудачным) (frustration of purpose) [Петрова 2016].

Таким образом, частичное соответствие данных терминов характеризуется отношением включения.

Пример 7

real contract – real contracts are those in which it is necessary that there should be something more than mere consent, such as a loan of money, deposit or pledge, which, from their nature, require a delivery of the thing, (res.); in the common law a contract respecting real property (such as a lease of land for years) is, called a «real» contract [12].

реальный договор – договор, для признания которого заключенным требуется передача вещи, денежных сумм, другого имущества. Такой договор вступает в силу с момента передачи (например, договор займа, договор хранения) [1].

В российском договорном праве принято классифицировать договоры как консенсуальные и реальные. Консенсуальные договоры – это те договоры, для заключения которых достаточно согласования сторонами всех существенных договорных условий в требуемой в подлежащих случаях форме [2]. К консенсуальным договорам относится большинство поименованных в ГК РФ договорных конструкций. В отличие от консенсуального договора,

момент заключения реального договора совпадает с моментом фактической передачи вещи (денежных сумм, другого имущества) по нему.

В странах общего права подобное разделение договоров также актуально. Это может быть обусловлено тем, что изначально данная классификация договоров возникла и развилась в рамках римского права, положения которого оказали существенное влияние на формирование как континентальной, так и англосаксонской правовой семьи.

Тем не менее, термин «real contract», как демонстрирует приведенное английское определение, также используется для обозначения договоров, предметом которых выступает недвижимое имущество (real property):

*13) A common agreement that is classified as a **real contract** is a real property sales contract [28].*

Таким образом, английский термин «real contract» шире по значению, чем русский «реальный договор». Следовательно, частичное соответствие данных терминов характеризуется отношением включения.

Пример 8

rescission – in contract law, rescission is an equitable remedy which allows a contractual party to cancel the contract. Parties may rescind if they are the victims of a vitiating factor, such as misrepresentation, mistake, duress, or undue influence. Rescission is the unwinding of a transaction. This is done to bring the parties, as far as possible, back to the position in which they were before they entered into a contract (the status quo ante) [20].

расторжение договора – способ прекращения обязательства, возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором; по требованию одной из сторон договор может быть расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором [2].

признание договора недействительным – сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка). Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре

возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом [2].

Доктрина «*rescission*» заключается в следующем – при наличии определенных оснований стороны вправе по своему соглашению объявить свой договор изначально недействительным и восстановить «статус кво». После изучения материалов юридической направленности и монографий (С.Л. Будылин, М.А. Егорова, К. Осакве) нами были выделены некоторые характеристики данного способа защиты: 1) проведение «*rescission*» возможно как по решению суда, так и по соглашению сторон; 2) выделяются основания, при которых возможно проводить «*rescission*» договора – следует отметить, что они частично совпадают с основаниями для признания оспоримых сделок недействительными по российскому договорному праву; 3) в результате «*rescission*» стороны возвращаются в свое первоначальное положение, договор ретроактивно отменяется и считается незаключенным [Будылин 2016; Егорова 2010; Осакве 2002].

В результате анализа дефиниции термина «*rescission*» и его использования в правовом контексте, а также вариантов его перевода на русский язык в словарях, мы сделали вывод о том, что ему соответствует два термина из российского договорного права: «расторжение договора» (по обоюдному согласию) и «признание договора недействительным». Частичное соответствие терминов «*rescission*», «расторжение договора» и «признание договора недействительным» характеризуется отношением пересечения, поскольку российские термины не в полной мере передают процедуру и последствия английского «*rescission*», а также обладают собственными уникальными признаками.

В рамках института расторжения договора российским законодательством предусмотрена возможность прекращения обязательства как по соглашению сторон, так и по решению суда. При этом данный термин не передает полного значения «*rescission*» поскольку не предполагает таких же оснований для своего применения и влечет иные последствия.

Что касается восстановления сторон в своем первоначальном положении и возвращения им всего полученного по договору – данный элемент соответствует институту признания договора недействительным. При этом, в отличие от «rescission» в нашем правовом институте отсутствует возможность признания договора недействительным сторонами – это возможно сделать только в суде. Также, мы отметили, что часть правовых оснований для проведения «rescission» и признания договора недействительным по российскому договорному праву различается.

Вообще, при переводе термина «rescission» многие юристы, занимающиеся сравнительным правоведением, прибегают к термину «аннулирование договора» (М.А. Егорова, С.Л. Будылин, К. Осакве). Данный термин не закреплен в ГК РФ, но используется в ст. 61 в Трудовом Кодексе: *14) Если работник не приступил к работе в день начала работы, установленный в соответствии с ч. 2 или 3 ст. 61, то работодатель имеет право **аннулировать** трудовой договор. **Аннулированный трудовой договор** считается незаключенным [10].*

Очевидно, что в данном контексте термин «аннулирование» приобретает отличные признаки от термина «rescission» – здесь нет речи о расторжении договора по соглашению сторон или по решению суда – статья прямо предусматривает право работодателя по своему усмотрению самостоятельно аннулировать трудовой договор.

В результате анализа использования слов «аннулировать» и «аннулирование» в ГК РФ и ТК РФ мы пришли к выводу о том, что они всегда употребляются в контексте правоотношений, в которых стороны не равны по статусу:

*15) **Аннулирование** и восстановление записей актов гражданского состояния производятся органом записи актов гражданского состояния на основании решения суда [2].*

16) ...Основанием прекращения трудового договора с работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства,

является (...) **аннулирование** разрешения на временное проживание в Российской Федерации [10].

Во всех рассмотренных нами ситуациях одна сторона обладает преимуществом над другой (это, например, работодатель или государственный орган) и, в том числе, правомочна аннулировать договор, лицензию или иной документ. В рамках доктрины «rescission» подобное неравенство в правовом положении сторон не предполагается. Таким образом, термин «аннулирование договора» некорректно использовать для перевода термина «rescission».

Мы полагаем, что для перевода термина «rescission» следует использовать термин «признание договора недействительным», поскольку по своему значению именно он представляется нам наиболее близким к английскому термину.

Пример 9

indemnity – a collateral contract or assurance, by which one person engages to secure another against an anticipated loss or to prevent him from being damnified by the legal consequences of an act or forbearance on the part of one of the parties or of some third person [12].

возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств – стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной (потери, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т.п.). Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения [2].

Статья 406.1 ГК РФ реципирует и закрепляет правовой институт англосаксонского права – «indemnity». По своему существу, «indemnity» – это конкретное условие договора, закрепленное в нем с целью обезопасить кредитора от неблагоприятных последствий по предусмотренным в договоре

обстоятельствам. В случае наступления данных обстоятельств и возникновения соответствующих последствий должник обязан возместить имущественные потери кредитора, при этом вопрос о вине должника не имеет существенного значения [Василевская 2017].

Термин «indemnity» передан на русский язык с помощью описательного перевода, как «возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств» («возмещение потерь») [2]. В доктрине и судебной практике часто встречается транскрибированный вариант перевода указанного английского термина – «индемнити»:

*17) В момент вхождения в состав участников Тернового А.А, стороны вправе были использовать заверения об обстоятельствах (после поправок в ГК РФ - в настоящее время ст.431. ГК РФ) или институт **индемнити** (indemnity) - гарантии от убытков (ст.406.1 ГК РФ), ранее неизвестный отечественному праву [9].*

Вариант перевода термина «indemnity» как «гарантии от убытков», представленный в контекстном примере выше, встречается редко.

Частое использование термина «индемнити» в лексике российского договорного права может быть обусловлено тем, что правоприменители стремятся подчеркнуть заимствованный характер данного правового института.

Тем не менее, поскольку в ГК РФ закреплен термин «возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств», именно его мы рассматриваем в качестве эквивалента английского термина «indemnity».

Частичное соответствие данных терминов характеризуется отношением пересечения, поскольку российский институт «возмещения потерь», вследствие ощутимой разницы в правовом опыте и регулировании между странами общего и континентального права, не вобрал в себя все аспекты английского «indemnity», а также развил собственные уникальные черты.

Так, например, в английском договорном праве «indemnity» может проводиться только при наступлении предусмотренных договором обстоятельств-событий, которые не зависят от воли сторон. Что касается института «возмещения потерь» – в ГК РФ перечень данных обстоятельств расширен, это могут действия третьих лиц, органов государственной власти и пр.

С другой стороны, соглашение о возмещении потерь по российскому праву может быть заключено лишь сторонами, действующими при осуществлении ими предпринимательской деятельности, а также лицами, указанными в п. 5 ст. 406.1 ГК РФ. Английское договорное право не содержит подобных правил и ограничений. Использование инструмента «indemnity» возможно и в тех договорах, сторонами которых являются лица, не занимающиеся предпринимательской деятельностью [Василевская 2017].

Приведенные в пример различия между рассматриваемыми правовыми институтами не являются исчерпывающими с юридической точки зрения, однако, их достаточно для того, чтобы сделать вывод о частичном соответствии терминов «indemnity» и «возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств», характеризующемся отношением пересечения.

Пример 10

representation – a statement express or implied made by one of two contracting parties to the other, before or at the time of making the contract, in regard to some past or existing fact, circumstance, or state of facts pertinent to the contract, which is influential in bringing about the agreement [12].

warranty – an undertaking or stipulation, in writing, or verbally, that a certain fact in relation to the subject of a contract is or shall be as it is stated or promised to be; a warranty differs from a representation in that a warranty must always be given contemporaneously with, and as part of, the contract; whereas a representation precedes and induces to the contract. And, while that is their difference in nature, their difference in consequence or effect is this: that, upon breach of warranty, (or false warranty,) the contract remains binding, and damages only are recoverable

for the breach; whereas, upon a false representation, the defrauded party may elect to avoid the contract, and recover the entire price paid [12].

заверения об обстоятельствах – утверждения о фактах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу). Сторона, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку; пострадавшая сторона также вправе отказаться от договора или требовать признания договора недействительным [2].

С 1 июня 2015 года в ГК РФ была включена ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах», которая заимствует и объединяет два института английского права: «representations» и «warranties».

«Representations», или заверения, это институт деликтного права. Они понимаются как утверждения о прошлых или настоящих фактах, побуждающие сторону заключить договор:

*18) Licensor **represents** to Licensee that it has the full and unencumbered right, power and authority to enter into this Agreement and to grant the license rights granted by Licensor to Licensee hereunder [15].*

Если сторона даст недостоверные заверения об обстоятельствах (misrepresentation), она понесет деликтную ответственность. Пострадавшая сторона вправе взыскать негативные убытки, то есть убытки для восстановления ранее существовавшего положения (в случае виновного предоставления), а также признать заключенный под влиянием недостоверного заверения договор недействительным (то есть, провести «rescission»; независимо от наличия вины заверяющей стороны).

«Warranties», или гарантии, это утверждения о настоящих или будущих фактах, истинность которых гарантирует сторона договора:

19) *Licensor warrants to Licensee that it has not received any written notice or claim, and is not otherwise aware that the Licensed Technology infringes or misappropriates the proprietary rights of any other Person* [15].

«Warranties» – это также вид условий договора наряду с «conditions». Невыполнение гарантий влечет договорную ответственность (независимо от наличия вины). Пострадавшая сторона вправе взыскать позитивные убытки, то есть убытки для приведения сторон в такое положение, как если бы договор был исполнен. Также, в отличие от деликтной ответственности за нарушение «representations», в данном случае сторона вправе взыскать упущенную выгоду. Нарушение гарантии не дает права ни на отказ от договора (как в случае с «conditions»), ни на признание договора недействительным (как в случае с «representations») [Будылин 2016].

В новой статье ГК РФ о заверениях об обстоятельствах смешаны способы защиты за нарушение «representations» и «warranties» и не проводится различие между ними. В результате законодатель приравнял термин «заверения об обстоятельствах» к сразу двум терминам английского договорного права, обозначающим разные правовые институты.

Таким образом, термину «заверения об обстоятельствах» частично соответствует и термин «representations», и термин «warranties». Также данный пример является демонстрацией отношения смысловой дифференцированности между частичными терминологическими соответствиями.

2.5 Отсутствие эквивалента

В результате анализа собранного материала нами было выделено 9 безэквивалентных терминов в терминологии договорного права России и 19 безэквивалентных терминов в терминологии английского договорного права. В итоге, после подбора переводных соответствий к каждому безэквивалентному термину, мы составили 28 пар терминов (17% от общего числа собранного материала).

Наиболее часто безэквивалентные термины переводились через калькирование (16 примеров). Также были использованы приемы описательного перевода (12 примеров) и аналогии (2 примера).

Далее мы рассмотрим несколько примеров безэквивалентных терминов договорного права в английском и русском языках.

2.5.1 Безэквивалентные термины английского языка

Пример 11

implied term – a particular right or duty that is understood to be part of a legal agreement, although it is not clearly stated [14].

expressed term – a clear statement in a legal agreement of a particular right or duty [14].

В общем праве условия договора принято делить на две категории – *implied terms* и *expressed terms*. Как правило для перевода данных категорий юристы в своих монографиях, посвященных англо-американскому договорному праву, используют термины «подразумеваемые условия» и «явные условия» или «прямо выраженные условия».

Под подразумеваемыми условиями понимаются прямо не прописанные в тексте договора положения, которые вменяются стороне договора законодательством; общим правом; обычаями; на основании предыдущих сделок сторон; фактически или на основании намерений сторон [22]:

20) *The relevant provisions in the Supply of Goods and Services Act regarding hire agreements include **implied terms** about quality and fitness for purpose* [14].

В отличии от них «явные условия» предусмотрены сторонами самостоятельно и прямо прописаны в договоре:

21) *Under the **express terms** of the contract we will not be responsible for any personal injury incurred while you are using our facilities* [14].

В России термины «подразумеваемые условия договора» и «явные условия договора» не закреплены законодательно. В целом концепт подразумеваемых и явных условий договора знаком российской доктрине и идея восполнения пробелов содержания договора, например, нормами применимого законодательства не является чем-то новым для нашей правовой

системы. Однако, в нашей стране данный правовой институт определенно не развит до такой степени как в Великобритании, США и Австралии. Многие положения английского договорного права, как выведенные в судебной практике, так и закрепленные в нормативных актах, а также правовые техники, институты и доктрины основываются на разграничении *implied/expressed*. В России нет схожего регулирования данного правового концепта, в связи с чем, мы можем говорить об уникальности описанного института и отсутствии терминов-эквивалентов.

Для перевода английских безэквивалентных терминов мы предлагаем следующее: термин «*implied terms*» переводить, как уже принято в доктрине, через калькирование – «подразумеваемые условия договора»; а термин «*expressed terms*» с помощью описательного перевода – «предусмотренные в договоре условия». Такие варианты перевода как «явные условия договора» или «прямо выраженные условия договора» кажутся нам неудачными и сложными для понимания в рамках правовой системы России.

Пример 12

posting rule (mailbox rule в США) – a doctrine in contract law stating that an offer is accepted at the time a written acceptance is deposited in the mail [19].

Правило «posting rule» впервые было закреплено в судебном прецеденте *Adams v Lindsell* (1818). Согласно нему, договор считается заключенным в момент, когда отправитель акцепта опустил свой письменный ответ в почтовый ящик независимо от того, в какой срок данное письмо будет получено оферентом:

*22) If the offeror, either expressly or impliedly, indicates that postal acceptance is sufficient then they should bear the consequences of the **postal rule**... [11].*

В российском договорном праве отсутствует аналог данному правилу, следовательно, термин «posting rule» (mailbox rule) является безэквивалентным. Мы предлагаем переводить данный термин калькированием, как «правило почтового ящика», и, в случае необходимости, сопровождать перевод соответствующим поясняющим комментарием.

2.5.2 Безэквивалентные термины русского языка

Пример 13

возмездный договор – договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей [2].

безвозмездный договор – договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления [2].

Учитывая тот факт, что, по общему правилу, в Англии, Австралии и США договор не может существовать без элемента *consideration* – то есть, без встречного предоставления (удовлетворения), очевидно, что для этих стран сама концепция договора, по которому сторона не обязана предоставлять что-либо другой стороне взамен на исполнение договора, является чуждой. Следовательно, на наш взгляд, из-за доктрины *consideration* в лексике английского договорного права не могут существовать полные эквиваленты русскоязычным терминам «безвозмездный договор» и «возмездный договор».

По идее, в рамках договорного права англоязычных стран, термин «contract» должен быть равнозначен русскоязычному термину «возмездный договор», поскольку, если в англосаксонской правовой системе договор не может быть заключен без встречного предоставления, значит он всегда является возмездным. Перевод термина «возмездный договор» как, например, «non-gratuitous contract» или «contract with consideration» является избыточным и лишеным смысла для носителей английского языка.

Тем не менее, мы должны подчеркнуть, что существуют и исключения из правила о *consideration* в странах и регионах системы общего права. Безвозмездный договор можно заключить в Шотландии, где не действует доктрина об обязательном встречном предоставлении (Requirements of Writing (Scotland) Act 1995):

*23) Subject to subsection (3) below, a written document complying with section 2 of this Act shall be required for (a) the constitution of (ii) a **gratuitous unilateral obligation** except an obligation undertaken in the course of business [25].*

В Гражданском Кодексе Луизианы (LA Civil Code 1910 (2018)) закреплено определение термина «*gratuitous contract*» из чего следует, что в этом штате, характеризующемся независимостью от общей тенденции правового регулирования США, безвозмездные договоры также имеют право на существование:

24) A contract is gratuitous when one party obligates himself towards another for the benefit of the latter, without obtaining any advantage in return [23].

Для перевода безэквивалентных терминов российской правовой системы мы предлагаем использовать термины, образованные калькированием: «*non-gratuitous contract*» (как возмездный договор) и «*gratuitous contract*» (как безвозмездный договор). Они привычнее для носителей английского языка и используются в материалах юридической направленности, монографиях и специализированных глоссариях для описания возмездной и безвозмездной моделей договоров, существующих в иных правовых системах.

Пример 14

публичный договор – договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.) [2].

Согласно п. 1 ст. 426 ГК РФ лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение кому-либо при заключении публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами [2]. На такое лицо возлагается ряд требований и ограничений – цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории; нельзя отказываться от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить соответствующие услуги и пр.

Все указанные аспекты заключения публичных договоров фактически означают, что к ним не применимы общие нормы договорного права. Именно по этой причине публичный договор (как обязательный договор) не признается в англо-американском праве и является российской реалией [Чиронова 2009].

Перевод данного безэквивалентного термина возможен через калькирование как «public contract» с соответствующим комментарием переводчика. Однако данный английский термин также имеет другое значение (public contract – an agreement to perform a particular task to benefit the community at large that is financed by government funds [20]), и, кроме того, нередко используется для перевода терминологического сочетания «государственный контракт». Следовательно, подобный вариант перевода использовать не рекомендуется из-за возможности смешения значения термина и введения в заблуждение носителей английского языка относительно природы публичного договора.

Существует также вариант перевода данного термина через аналогию с использованием термина «standard form contract» (типовой договор). Как мы уже отмечали выше, на наш взгляд, прием аналогии не должен применяться при переводе юридических терминов, поскольку они передают значение исходной лексической единицы не полностью, а лишь приблизительно, и в некоторых случаях могут создать не вполне правильное представление об обозначаемом предмете или явлении. В данном случае, подобный вариант перевода не передает полное значение русскоязычного термина «публичный договор».

Мы предлагаем описательный перевод данного термина. Поскольку главной характеристикой публичного договора является то, что лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, обязано заключать его с каждым, кто к нему обратится, при описательном переводе данной реалии возможна формулировка «договор,

который обязательно заключать с каждым» – «a contract that must be concluded with everyone».

2.6 Различия между терминами договорного права Великобритании, США и Австралии

В практической части исследования нами также была проведена работа по анализу терминов договорного права Великобритании, Австралии и США, выявлению сходств и различий в их значении и практике использования. Мы изучили ряд монографий и материалов сайтов юридической направленности с целью формулирования выводов по данному вопросу на основе мнений практикующих юристов в приведенном ряде англоязычных стран.

Что касается договорного права Англии и Австралии – существенных различий в терминологии не было определено. Многие исследователи подчеркивают, что правовая система Австралии до сих пор сильно подвержена влиянию английского права (Д. Амирова, М.В. Хворостяный). Минимальная разница в регулировании договоров, которая существует между данными государствами обусловлена историческими и географическими причинами (например, в отношении трудовых договоров [Амирова 2009]). Однако, учитывая желание законодателей и правоприменителей Австралии ослабить контроль Соединенного Королевства над правовой системой страны, в рамках юридической доктрины страны ведутся многочисленные дискуссии по реформированию некоторых институтов договорного права и введению тех правовых новшеств, которые традиционно не принимались в Великобритании.

Пример 15

implied duty of good faith – it is a general rule applicable to every contract that each party agrees, by implication, to do all such things as are necessary on his part to enable the other to have the benefit of the contract [13].

Это, например, касается доктрины *implied duty of good faith* (принцип подразумеваемой добросовестности). Как уже было отмечено нами ранее, данный принцип действует в рамках договорного права США и отрицается в

Великобритании. В Австралии данная доктрина размыта и полностью не сформирована.

По мнению Дж. Вивен-Вилкш интеграция доктрины подразумеваемой добросовестности в австралийское договорное право представляется чрезвычайно сложной задачей вследствие отсутствия четкого определения данного понятия и противоречивых мнений относительно места данного принципа в правовой системе Австралии. Тем не менее, она же отмечает, что принцип подразумеваемой добросовестности закреплен в статутах в отношении некоторых договорных конструкций (Franchising Code of Conduct, Horticulture Code of Conduct, the Food and Grocery Code of Conduct и пр.) [Viven-Wilksch 2019]. Р. Макдугалл подчеркивает, что обязанность исполнять договор добросовестно закреплена, по крайней мере, в штате Новый Южный Уэльс, например, делом *Hughes Bros Pty Ltd v Trustees of the Roman Catholic Church for the Archdiocese of Sydney (1993)* [McDougall 2012].

На основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что в Австралии у термина «implied duty of good faith» переходный статус – обозначаемое им понятие уже не отрицается как в системе договорного права Великобритании, но еще не образует гармоничную составляющую данной системы как в США. Подобные тенденции к правовым реформам в области австралийского договорного права могут быть объяснены тем, что законодательство данного государства постепенно эволюционирует и перенимает опыт самостоятельности США [Priestley 1989].

Более наглядные результаты были получены при сравнении систем договорного права Великобритании и США. Нами было установлено несколько примеров наличия некоторых правовых институтов в договорном праве одной страны и их отсутствия в другой (implied duty of good faith), разные варианты терминов, обозначающие одно и то же понятие (disclaimer и warranty exclusion), а также варианты предпочтительных терминологических формулировок в договоре для каждой из стран (reasonable efforts и reasonable endeavours). Кроме того, в ряде случаев термины, которые присутствует в

лексике и английского и американского договорного права, несколько отличаются по значению ввиду разницы правового регулирования (warranties).

Выявленная разница может быть обусловлена постоянным развитием договорного права США, тенденциями к отказу от традиционных для общего права моделей правового регулирования и стремлением к кодификации и упорядочиванию правовых норм в данной правовой области.

Пример 16

disclaimer (США) – a disclaimer of Warranty, which is provided for in the Uniform Commercial Code, limits a warranty in the sale of goods. It may be general or specific in its terms [20].

warranty exclusion (Великобритания) – Exclusions from Warranty clause will carve-out certain things from a party's warranty. A common example is for defects caused by the buyer, a third party, or otherwise not a result of the seller or developer [16].

Приведенные выше термины по своему существу обозначают одну и ту же договорную оговорку об исключении определенных положений из гарантии по нему. Помимо того, что в США и Великобритании для обозначения данной правовой техники используются разные термины, существуют также некоторые различия в ее правовом регулировании. Так, согласно положениям Единообразного торгового кодекса США «disclaimer» (мы предлагаем переводить данный термин, как «юридическое предупреждение») должен быть заметным (раздел 1-201(b) (10) UCC), поэтому данная оговорка обычно прописывается заглавными буквами (чаще всего), жирным шрифтом, курсивом, либо другим цветом. В договорном праве Великобритании нет таких строгих требований к «warranty exclusion» [Taylor 2015].

Ввиду единой правовой семьи и общего языка во всех рассмотренных правовых системах договорного права больше схожих признаков и положений. Термины договорного права Великобритании, Австралии и США в целом соответствуют друг другу. Случаи их несовпадения чаще всего объясняются разницей в правовом регулировании или формулировании нормативного текста. Следует отметить, что между указанными странами

общего права происходит постоянный обмен юридическим опытом. В доктрине обсуждаются правовые техники, институты и позиции судебных прецедентов друг друга, что доказывает существование феномена взаимного изучения. В целом можно отметить как стремление к синхронному развитию договорного права, так и попытки сохранить уникальность и самобытность собственных систем.

Выводы по главе II

1. В общей сложности в ходе исследования мы отобрали 271 термин договорного права (126 русскоязычных и 145 англоязычных). Между терминами российского и английского договорного права установлены отношения полной или частичной эквивалентности, а также выявлены безэквивалентные термины в обеих группах. В результате мы составили и проанализировали 164 пары терминологических соответствий (безэквивалентным терминам пару составляет переводное соответствие);

2. От общего числа собранного материала доля полных терминологических соответствий составляет 69% (113 пар), частичных соответствий – 14% (23 пары), и безэквивалентных терминов – 17% (28 пар). Большое количество полных соответствий обусловлено тем, что в данную категорию мы включили и условно полностью соответствующие друг другу термины, обозначающие единый правовой концепт;

3. Среди полных терминологических соответствий выделяются общие понятия договорного права в континентальной и англосаксонской правовых системах; отдельные термины классификации, формы и структуры договоров; термины-обозначения некоторых договорных конструкций; заимствованные термины;

3. Частичные терминологические соответствия характеризуются отношениями включения в 13-ти примерах (57%), пересечения в 9-ти примерах (39%) и смысловой недифференцированности в одном примере (4%);

4. Из 28 примеров безэквивалентных терминов 9 выделено в терминологии договорного права России и 19 в терминологии английского договорного права. Большая доля английских безэквивалентных терминов может быть обусловлена тем, что в договорном праве Великобритании, США и Австралии существует ряд уникальных правовых институтов и техник, незнакомых российскому законодательству;

5. Среди примененных способов перевода безэквивалентной лексики мы выделили калькирование (16 примеров), описательный перевод (12 примеров) и аналогию (2 примера). Наиболее часто используемым способом перевода безэквивалентных терминов договорного права является калькирование. Это можно объяснить тем, что в результате перевода с помощью калькирования может быть получена формулировка, в целом отражающая исходное значение термина и удовлетворяющая требованиям его краткости и точности. Тем не менее, в некоторых случаях для полного отражения понятия, обозначаемого термином, его возможно переводить только описательно. Поэтому доля описательного перевода безэквивалентной лексики почти сопоставима с долей применения калькирования;

6. В терминологии договорного права Англии и Австралии существенных различий не было определено. Тем не менее, в рамках юридической доктрины Австралии ведутся дискуссии по реформированию некоторых институтов договорного права и введению тех правовых новшеств, которые традиционно не принимались в Великобритании. Данный процесс повлечет не только эволюцию договорного права данного государства, но и внедрение большого количества новых терминов в специальную лексику;

7. При сравнении систем договорного права Великобритании и США нами было установлено несколько примеров различия в терминологии (наличие некоторых правовых институтов в договорном праве одной страны и их отсутствие в другой, разные варианты терминов, обозначающие одно и то же понятие, варианты предпочтительных терминологических формулировок в тексте договора и пр.). Это объясняется постоянным развитием договорного права США, тенденциями к отказу от традиционных для общего права моделей правового регулирования и стремлением к кодификации и упорядочиванию правовых норм в данной правовой области;

8. В целом термины договорного права Великобритании, Австралии и США соответствуют друг другу. Между указанными странами общего права происходит постоянный обмен юридическим опытом, можно отметить как

стремление к синхронному развитию договорного права, так и попытки сохранить уникальность и самобытность собственных правовых систем.

Заключение

В рамках настоящего исследования была проведена работа по изучению перевода терминов английского договорного права на русский язык и анализу терминологических соответствий английского и русского договорного права с учетом особенностей правовых систем Российской Федерации и ряда англоязычных стран (Великобритании, США и Австралии).

Проведенное исследование позволило нам создать более четкую картину существующей языковой практики и определить, обладают ли термины российского договорного права одинаковыми эквивалентами во всех трех исследуемых вариантах английского языка.

Во-первых, в ходе анализа терминологических соответствий договорного права России и англоязычных стран была выявлена высокая доля (условно) полных соответствий. При этом, данные примеры, в большинстве своем, относятся к соответствию общих, центральных понятий договорного права, которые лежат в основе любого регулирования договоров. Значительно и количество частичных терминологических соответствий и безэквивалентной лексики, следовательно, делать вывод о единообразии терминологии договорного права в частности и регулирования договоров в целом было бы некорректным. Мы можем лишь отметить факт того, что, при условии существования массы уникальных правовых институтов и глобальных различий в правовом регулировании (из-за разных правовых семей), значительная часть англоязычных терминов договорного права имеет (условно) полные эквиваленты в русском языке, которые могут быть использованы при переводе текстов договоров, научных статей, нормативных актов и т.д.

Во-вторых, что касается вопроса о существовании одинаковых англоязычных эквивалентов терминов российского договорного права в британском, американском и австралийском вариантах английского языка. В большинстве случаев, да, термины договорного права России переводятся на английский язык одинаково. Однако это не исключает того, что для

обозначения одного и того же понятия в данных государствах могут использоваться разные термины. Следовательно, при переводе некоторых понятий следует обращать внимание на языковую и правовую практику соответствующей страны.

В целом, терминология договорного права разных стран действительно является интересным и актуальным объектом для исследования. Для изучения темы доступно большое количество теоретических и практических материалов. Исследование можно продолжать, расширять и углублять, например, увеличив количество терминов в выборке или сосредоточившись на терминологии отдельного раздела договорного права (на средствах правовой защиты; на конкретных договорных конструкциях и т.д.).

Цель исследования была успешно достигнута, также нами были выполнены все поставленные во введении задачи. Результаты проведенной работы могут быть использованы для составления двуязычного глоссария по терминологии договорного права, который может стать незаменимым практическим инструментом как для специалистов в области юриспруденции, так и для профессиональных переводчиков-лингвистов.

Библиографический список

1. Азимов П.А., Дешериев Ю.Д., Никольский Л.Б., Степанов Г.В., Швейцер А.Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. // — Вопросы языкознания. — 1975, № 2. — С. 3-11.
2. Амирова Д. Законодательство Австралии. // — Юридическая газета. — 2009, № 161 (1758). — Электронный ресурс, URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30492542#pos=5;-118 (Дата обращения: 10.04.2021).
3. Ачкасов А.В. Основы двуязычной терминографии для переводчиков. — СПб.: СПбГУ, 2013. — 89 с.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: «Междунар. отношения», 1975. — 240 с.
5. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование. Монография. — Издательство «Проспект», 2019. — 270 с.
6. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания. Перевод с английского Зевахиной Т. С. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 14. Проблемы и методы лексикографии. Под.ред. Зевахиной Т. С., Городецкого Б. Ю. — М.: Прогресс, 1983. — 399 с.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга 1, 3-е издание, стереотипное. — Статут, 2001. — 476 с.
8. Будылин С.Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом. // — Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2016, № 3. — С. 96-133.
9. Будылин С.Л. Подразумеваемое условие о добросовестности в английском договоре, или Дело о добродушном шейхе. // — Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019, № 1. — С. 39-54.
10. Василевская Л.Ю. Возмещение потерь по российскому и прецедентному праву. // — Сравнительное правоведение. — 2017, № 5 (126). — С. 194-204.

11. Видерман М.Е. К вопросу о типологии англоязычных терминов контрактного права. // — Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — 2011, Вып. 42. — С. 35-42.
12. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. // — Труды Московского института истории, философии и литературы. — 1939, Т. V. — С. 3-54.
13. Винокуров С.Н. Современная концепция добросовестности в обязательственном праве Франции, Германии, США и Англии. // — Право и политика. — 2018, № 8. — С. 1-12.
14. Волосова М.В. Заимствование русским языком юридических терминов из других языков. // — Язык. Словесность. Культура. — 2013, № 6. — С. 71-81.
15. Воробьева М.В. Юридическая терминология: системоцентрический и антропоцентрический подходы. // — Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013, № 2 (54) т. 1. — С. 183-186.
16. Головин Б.Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии. Учен. Записки. Вып. 114. Сер. Лингвистическая. — Горький: Изд-во Горьковск. Ун-та, 1970. — С. 17-26.
17. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М.: Высшая школа, 1987. — 104 с.
18. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
19. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 400 с.
20. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, 1977. — 246 с.
21. Егорова М.А. Аннулирование договора в российском законодательстве. // — Журнал российского права. — 2010, № 1. — С. 63-74.

22. Зуева, И.В. Английская юридическая терминология как базовый компонент компетентностного подхода в процессе обучения. // — Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2013. — С. 54-61.
23. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. — СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2006. — 192 с.
24. Казакова Т.А. Метаязык переводоведения: термины и определения. // — Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2016, Вып. 4. — С. 75-85.
25. Караманукян Д.В. Интегрирование правовых систем современности (на примере американского права). // — Вестник Омского юридического института. — 2011, № 3(16) — С. 4-7.
26. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
27. Лапаева Т.А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц. // — Вестник Новгородского государственного университета. — 2007, № 44. — С. 75-77.
28. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура: учеб. пособие. — М.: Наука, 2006. — 296 с.
29. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: КомКнига, 2009. — 256 с.
30. Литовченко В. И. Классификация и систематизация терминов. // — Вестник СибГАУ. — 2006, №3. — С.156-159.
31. Лотте Д.С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. — М.: Наука, 1969. — 119 с.
32. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. — М.: Издательство «Юристъ», 2004. — 245 с.
33. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Дело, 2002. — 464 с.

34. Осокина С. А. Языковые особенности оформления договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках: перевод и локализация. // — Филология и человек. — 2019, № 1. — С. 73-86.
35. Петрова Д.С. Английская доктрина «frustration of contract»: история и современность. // — Ленинградский юридический журнал. — 2016. — С. 146-157.
36. Пиголкин А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования. — М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1971. — С. 18-34.
37. Пиголкин А.С. Язык закона. — М.: Юрид. лит., 1990. — 200 с.
38. Попова Е.Е., Семенова М.Ю. Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов. // — Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2016, № 2. — С. 36-45.
39. Реформатский А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
40. Рябова Е.А. Теоретические аспекты изучения терминов. // — Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2009, № 2. — С. 86-91.
41. Савицкий, В. М. Язык процессуального закона: вопросы терминологии. — М., 1987. — 288 с.
42. Слюсарева Н.А. О типах терминов (на примере грамматики). // — Вопросы языкознания. — 1983, № 3. — С. 21-29.
43. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 248 с.
44. Суханов Е.А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2011. — 958 с.
45. Тихомиров, Ю. А. Договор как регулятор общественных отношений. // — Правоведение. — 1990, № 5. — С. 27-35

46. Тихомиров Ю.А. Договоры в экономике. — М.: Экономика, 1993. — 144 с.
47. Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии. // — Актуальные проблемы экономики и права. — 2013, № 2. — С. 176-181.
48. Урматова А.Д., Рыспаева Г.С. Юридическая терминология. // — Бюллетень науки и практики. — 2019, Т. 5. №9. — С. 318-324.
49. Халфина Р.О. Договор в английском гражданском праве. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. — 319 с.
50. Хворостянный М.В. Австралийская правовая система и её отличие от правовых систем других стран англосаксонской правовой семьи. // — Міжнародне та зарубіжне право. — 2009. — С. 203-207.
51. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. — Саратов, Изд-во СГУ, 1997. — 136 с.
52. Хижняк С.П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии). // — Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2008, № 1. — С. 92-99.
53. Чиророва И.И. Теоретические основы анализа юридической терминологии. // — Современные гуманитарные исследования. Издательство «Спутник+». — 2007, № 6. — С. 145-150.
54. Чиророва И.И. Сопоставительный анализ терминологической области «договорное право» в английском и русском языках / Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. Трудов № 38 (53). — М.: МГИМО(У) МИД России, 2009. — С. 120-132.
55. Шадрин В.И. Теоретические проблемы оценки качества перевода. // — Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). — 2016, vol. 122. — С. 472-475.
56. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе. // — Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005, № 2. — С. 171-180.
57. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. — М.: Воениздат, 1973. — 280 с.

58. Энциклопедический словарь экономики и права. Экономика и право: словарь-справочник. — М.: Вуз и школа. 2004. — 1072 с.
59. Юдин М.С. Договорное право: лекционный материал. — Москва «Институт государственного администрирования», 2013. — 40 с.
60. Australian Government Solicitor. Australia's Constitution: with overview and notes by the Australian Government Solicitor. 7th ed. — 2012. — 44 p. — Электронный ресурс, URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/2012_Australian_Constitution%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/2012_Australian_Constitution%20(1).pdf) (Дата обращения: 10.04.2021).
61. Bessé B. de, Nkwenti-Azeh B., Sager J.C. Glossary of terms used in terminology. // — Terminology. — 1997, No. 4 (1). — P. 117-156.
62. Cartwright J. An Introduction to the English Law of Contract for the Civil Lawyer. — Bloomsbury Publishing. — 2016. — 360 p.
63. Chen J. Sales and Purchase Agreement (SPA). — 2021. — Электронный ресурс, URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/salesandpurchase.asp> (Дата обращения: 10.04.2021).
64. Contracts: Express and Implied Terms. — Электронный ресурс, URL: <https://hjsolicitors.co.uk/article/contracts-express-and-implied-terms/> (Дата обращения: 18.04.2021).
65. Eldridge J. Contract Codification: Cautionary Lessons from Australia. // — Edinburgh Law Review. — 2019, Volume 23 Issue 2. — P. 204-229.
66. Felber H. Terminology Manual. Paris: General Information Programme & UNISIST. — UNESCO, Infoterm, 1984. — P.457.
67. Halliday M.A.K. Language Theory and Translation Practice. // — Rivista internazionale di tecnica della traduzione, No. 0, Udine, Campanotto Editore. — 1992. — P.15-25.
68. McDougall R. The Implied Duty of Good Faith in Australian Contract Law. // — Supreme Court. — 2012. — P.1-9. — Электронный ресурс, URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/NSWJSchol/2006/2.pdf> (Дата обращения: 18.04.2021).

69. Miyanda F. Total Meaning and Equivalence in Translation. // — NAWA Journal of Language and Communication. — 2007. — P.46-56.
70. Priestley L. J. A Guide to a Comparison of Australian and United States Contract Law. — UNSW Law Journal. — 1989, Vol. 12. — P.4-29.
71. Rey A. Essays on terminology. Amsterdam. — 1995. — P.38.
72. Šarčević, S. New Approach to Legal Translation, London: Kluwer Law International. — 2000. — 324 p.
73. Shiflett M.M. Functional Equivalence and its Role in Legal Translation. // — English Matters III. — 2015. — P.29-33.
74. Swain W. Contract Codification in Australia: Is it Necessary, Desirable and Possible? // — Sydney Law Review 36 (1) University of Queensland TC Beirne School of Law Research Paper. — 2014, No. 14-10. — P.1-20.
75. Taylor A. A Comparative Analysis of US and English Contract Law Interpretation and Implied Terms. // — International In-house Counsel Journal. — 2015, Vol. 9, No. 33. — P.1-12.
76. Viven-Wilksch J. Good Faith in Contracts: Australia at the Crossroads. // — Journal of commonwealth law. — 2019, Vol. 1, Issue 1. — Электронный ресурс, URL: <https://www.journalofcommonwealthlaw.org/article/10809-good-faith-in-contracts-australia-at-the-crossroads> (Дата обращения: 18.04.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Большой юридический словарь <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 09.05.2021)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 09 марта 2021 г.]. — Консультант Плюс.
3. Как работодатели относятся к торгу после приглашения на работу <https://spb.hh.ru/article/24518> (дата обращения 07.05.2021)
4. К вопросу о правовой природе двусторонней реституции, как общем последствии недействительности сделок <https://cyberleninka.ru/article/n/k->

voprosu-o-pravovoy-prirode-dvustoronney-restitutsii-kak-obschem-posledstvii-nedeystvitelnosti-sdelok (дата обращения 08.05.2021)

5. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_proverbs/ (дата обращения 08.05.2021)

6. Словарь «Мультитран» <https://www.multitran.com/> (дата обращения 07.05.2021)

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». — Консультант Плюс.

8. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 октября 2015 г. № 717н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по подбору персонала (рекрутер)». — Гарант.

9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28.06.2016 по делу №А40-62490/16-45-520 <https://kad.arbitr.ru/Card/4ff80792-ef8a-4fd2-9bad-c54dd6a091a8> (дата обращения 08.05.2021)

10. Трудовой кодекс Российской Федерации: [Принят Гос. Думой 21 декабря 2001 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 01 мая 2021 г.]. — Консультант Плюс.

11. Adams v Lindsell (1818)
<https://www.lawteacher.net/cases/adams-v-lindsell.php?vref=1> (дата обращения 01.05.2021).

12. Black's law dictionary 4th Ed. Rev. — 1968. — 1956 p.
<https://www.latestlaws.com/wp-content/uploads/2015/04/Blacks-Law-Dictionery.pdf> (дата обращения 30.04.2021).

13. Butt v M'Donald (1896)
<https://www.kwm.com/en/au/knowledge/insights/duty-to-cooperate-20130101>
(дата обращения 01.05.2021).

14. Cambridge Dictionary / Cambridge University Press
<https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 30.04.2021).
15. Contracts 101 <https://www.ipwatchdog.com/2018/10/10/contracts-101-covenants-representations-warranties-ip-license-agreements/id=102186/> (дата обращения 08.05.2021)
16. Contract Standards
<https://www.contractstandards.com/public/clauses/exclusions-from-warranty> (дата обращения: 29.04.2021).
17. Davis Contractors v. Fareham UDC <https://www.lawteacher.net/cases/davis-contractors-v-fareham-urban-dc.php> (дата обращения 01.05.2021).
18. Duhaime's Law Dictionary <http://www.duhaime.org/LegalDictionary.aspx> (дата обращения 30.04.2021).
19. Essential law dictionary / Blackwell А.Н. — 2008. —
<https://www.latestlaws.com/wp-content/uploads/2015/04/Legal-Dictionary.pdf> (дата обращения 30.04.2021).
20. The Free Legal Dictionary <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/> (дата обращения 30.04.2021).
21. GOV.UK <https://www.gov.uk/> (дата обращения 06.05.2021).
22. Harper James solicitors <https://hjsolicitors.co.uk/article/contracts-express-and-implied-terms/> (дата обращения: 18.04.2021)
23. LA Civil Code 1910 (2018)
<https://law.justia.com/codes/louisiana/2018/code-civilcode/cc-1910/> (дата обращения 30.04.2021).
24. Legisperiti <https://legisperiti.ru/blog/mezhdunarodniy-kontrakt/> (дата обращения 06.05.2021)
25. Requirements of Writing (Scotland) Act 1995
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/7> (дата обращения 30.04.2021).
26. Sale of Goods 1895
<https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/SALE%20OF%20GOODS%20ACT%201895/CURRENT/1895.630.AUTH.PDF> (дата обращения 30.04.2021).

27. Sale of Goods 1979

[https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/section/8#:~:text=8%20Ascertainment%20of%20price.&text=\(1\)The%20price%20in%20a,of%20dealing%20between%20the%20parties](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/section/8#:~:text=8%20Ascertainment%20of%20price.&text=(1)The%20price%20in%20a,of%20dealing%20between%20the%20parties) (дата обращения 30.04.2021).

28. What is a real contract? <https://www.infobloom.com/what-is-a-real-contract.htm> (дата обращения 08.05.2021).

29. Uniform Commercial Code <https://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения 30.04.2021).

Приложения

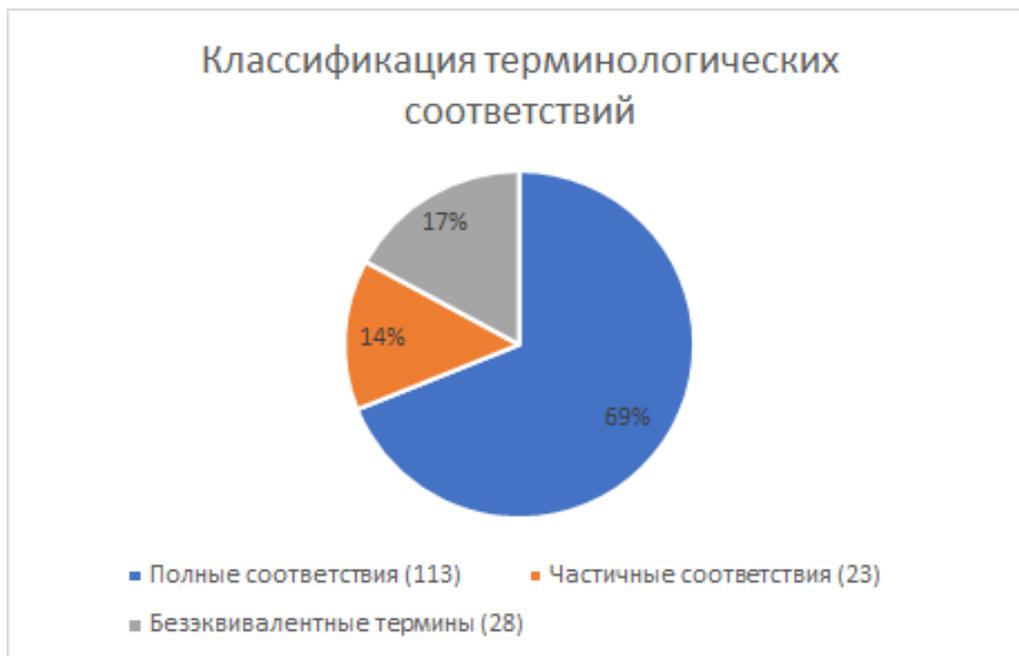

Диаграмма 1. Соотношение собранных терминов по признаку степени эквивалентности.

Диаграмма 2. Соотношение типов частичных терминологических соответствий.